

Глава IV

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И НАЧАЛО СПОРА ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАСЧЕТЕ

В этой и последующих главах мы намерены тщательно проанализировать спор о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Статус его участников в научном сообществе, теоретическая глубина и влияние на последующее развитие нашей науки обеспечили этому спору очень важное место в истории экономической мысли. Мы дадим описание наиболее важных мнений каждого из участников, а также этапов полемики и ее наиболее значимых аспектов. Кроме того, мы подвергнем критическому анализу наиболее распространенную версию сущности спора и его исхода (которую мы считаем ошибочной) и попытаемся предложить несколько объяснений, почему именно эта версия стала господствующей. Эту главу мы начнем с анализа исторического контекста спора, и с подробного изучения принципиального открытия Людвиг фон Мизеса, вокруг которого он разгорелся.

1. Контекст

То, что социализм является интеллектуальным заблуждением и, следовательно, теоретически и практически невозможен, становится очевидно, с точки зрения истории экономической мысли, только в результате осознания, что общество и рынок функционируют как стихийный порядок, возникающий из постоянного взаимодействия друг с другом миллионов людей. Хотя тому представлению об обществе, которое мы излагали в двух предыдущих главах, более двух тысяч лет¹, его судьба была

---

¹ Прекрасный исторический обзор представлений об обществе как о стихийном порядке можно найти в статье F. A. Hayek, "Dr. Ver-

непростой, поскольку оно находилось в постоянном конфликте с оправдывающим систематическое принуждение и насилие конструктивистским рационализмом, к которому почти неумолимо интуитивно склоняется разум человека. От древнегреческого *kosmos*, естественного или стихийного порядка, созданного независимо от сознательной воли человека, через значительную часть проверенной временем римской правовой традиции² и через более близкие к нам по времени открытия Мандевиля, Юма, Адама Смита и Менгера, к Мизесу, Хайеку и другим современным либеральным мыслителям ведет длинная дорога, часто поворачивавшая в обратном направлении и на многих этапах маршрута полностью скрытая «черным приливом» *сциентизма*.

Главная идея, на которой построена наша критика социализма, состоит в том, что ни один человек и ни одна группа людей не могут получить информацию или знания, необходимые для того, чтобы организовать и координировать общество с помощью приказов и принуждения. Эта идея естественно следует из концепции общества как стихийного порядка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, хотя эта концепция была подробно сформулирована совсем недавно, по крайней мере в эмбриональной форме люди отстаивали ее очень давно. Например, Цицерон рассказывает нам, что Катон считал римскую правовую систему превосходящей все остальные потому, что она «была создана умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо... никогда не было такого одаренного чело-

---

nard Mandeville” in F. A. Hayek, *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*, 249–266.

² В двух предыдущих главах мы стремились показать тесную связь между нашей концепцией общества и материальным правом, то есть набором абстрактных норм, которые в равной степени применяются ко всем людям. Только рамка, заданная законом, понимаемым в этом смысле, делает возможными предпринимательство и человеческую деятельность, а значит, непрерывное порождение и распространение рассеянной информации, которым характеризуется развитие цивилизации. Соответственно, тот факт, что выдающиеся классические авторы, писавшие о римском праве, внесли свой вклад в ту философскую традицию, которую мы обсуждаем, не является чистым совпадением.

века, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог объять все стороны дела, не обладая долговременным опытом»³.

³ “Nostra autem res publica non unius esset ingenio, sed multorum, nec una hominis vita, sed aliquod constitutum saeculis et aetatibus, nam neque ullum ingenium tantum extitisse dicebat, ut, quem res nulla fugeret, quisquam aliquando fuisset, neque cuncta ingenia conlata in unum tantum posse uno tempore providere, ut omnia completerentur sine rerum usu ac vetustate”. — Marcus Tullius Cicero, *De Re Publica*, II, 1—2 (Cambridge, Massachusetts: The Loeb Classical Library, 1961), 111—112. Английский перевод принадлежит Бруно Леони и цитируется по: Bruno Leoni, *Freedom and the Law*, expanded 3rd ed. (Indianapolis: Liberty Fund, 1991; 1st ed. 1961, 2nd ed. 1972) [Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008] [русск. пер. по изд.: Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М.: Научно-издательский центр «Ладомир»—Наука, 1994]). Книга Леони поразительна со всех точек зрения, не только потому, что в ней показан параллелизм между рынком и обычным правом, с одной стороны, и позитивным законодательством и социализмом — с другой, но и потому, что Леони — первый юрист, который понял, что тезис Людвиг фон Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме — это просто «частный случай более общего утверждения о том, что ни один законодатель не смог бы самостоятельно, без постоянного сотрудничества со всеми людьми, которых это касается, установить правила, регулирующие реальное поведение каждого человека в тех бесконечных отношениях, которые связывают каждого с каждым. Никакие опросы общественного мнения, никакие референдумы, никакие консультации не смогут обеспечить законодателям возможность устанавливать эти правила, точно так же, как аналогичная процедура не смогла дать директорам в плановой экономике возможность обнаружить, какими будут спрос и предложение всех товаров и услуг. Реальное поведение людей состоит в том, что они постоянно приспосабливаются к меняющимся условиям. Более того, реальное поведение людей не следует путать с их мнениями, полученными, например, в результате социологических опросов; это не более разумно, чем отождествление словесного выражения желаний потребителей с “реальным” спросом на рынке» (Bruno Leoni, *Freedom and the Law*, 20 [Леони Б. Свобода и закон. С. 34] [курсив мой. — У. де С.]). О Бруно Леони, который в 1950 г. создал авторитетный журнал *Il Politico*, см.: *Omaggio a Bruno Leoni*, ed. Pasquale Scaramozzino (Milan: A. Giuffrè, 1969) и Peter H. Aranson, “Bruno Leoni in Retrospect,” *Harvard Journal*

Много веков спустя, развивая эту идею, Монтескье и Тюрго высказали мысль, имеющую еще более прямое отношение к тому, что нас интересует. Они сочли *противоречивым* мнение, что государство одновременно способно посвящать усилия и крупным проектам, и всем мелким подробностям их организации⁴. Чуть более ста лет спустя, в 1854 г., Госсен повторил эту мысль почти дословно и стал первым, кто использовал ее для критики коммунистической системы. Госсен пришел к заключению, что запланированная коммунистами центральная власть, цель которой состоит в принудительном распределении разных типов труда и вознаграждения за него, вскоре обнаружит, что взяла на себя задачу, непосильную для отдельно взятого человека⁵. Через

---

of Law and Public Policy (summer 1988). Леони, как и Поланьи, был разносторонним человеком; он активно занимался правом, бизнесом, высшим образованием, архитектурой, музыкой и лингвистикой. В ночь на 21 ноября 1967 г. он трагически погиб; его убил один из арендаторов, с которого он пытался взыскать арендную плату. Ему было 54 года.

⁴ Действительно, Монтескье писал в «Духе законов» (1748): «Поэтому-то Цицерон и сказал: “Я не допускаю, чтобы один и тот же народ был одновременно и властелином, и торгошом вселенной”. В самом деле, в противном случае надо было бы допустить, что каждый человек в этом государстве и *даже все государство в целом были бы всегда поглощены одновременно великими замыслами и мелочными делишками; но одно противоречит другому*» (Montesquieu, *De L'Esprit de Lois*, part 4, book 20, ch. 6, p. 350 in *Oeuvres Complètes: Avec des notes de Dupin, Crevier, Voltaire, Mably, Servant, La Harpe, etc.* (Paris: Chez Fermin Didot Frères Libraires, 1843) [Монтескье Ш. А. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 283]); A. R. J. Turgot, “Éloge de Gournay” (1759) in *Oeuvres*, vol. 1 (Paris: Guillaumin, 1844), 275, 288 [См.: Тюрго А. Р. Ж. Похвальное слово Венсану де Гурне // Тюрго А. Р. Ж. Избранные экономические произведения. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1961].

⁵ Hermann Heinrich Gossen, *Entwicklung der Gesetze des Menschlichen Verkehrs und der daraus Fließenden Regeln für Menschliches Handeln* (Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn, 1854), 231. «Darum würde denn die von Kommunisten projectierte Zentralbehörde zur Verteilung der verschiedenen Arbeiten sehr bald die Erfahrung machen, dass sie sich eine Aufgabe gestellt habe, deren Lösung die Kräfte einzelner Menschen weit übersteigt». Рудольф Блисс сделал замечательный перевод Гос-

двадцать лет Альберт Шеффле, непосредственный предшественник Менгера на кафедре экономической теории Венского университета, показал, что невозможно представить себе, чтобы центральный орган планирования смог успешно (и в количественном, и в качественном отношении) размещать общественные ресурсы без имитации системы определения цен, свойственной рыночным процессам⁶. В кон-

---

сена на английский язык: Hermann Heinrich Gossen, *The Laws of Human Relations and the Rules of Human Action Derived Therefrom* (Cambridge, Massachusetts: M.I.T. Press, 1983). Приведенный выше текст находится на с. 255 английского издания: «Следовательно, центральная власть — запланированная коммунистами для распределения различных типов труда и вознаграждения — вскоре обнаружит, что она поставила себе задачу, далеко превосходящую возможность любого индивида» (курсив мой. — *V. de C.*). В третьем немецком издании книги Госсена (Berlin: R.L. Praga, 1927) имеется написанная Ф. А. Хайеком обширная вводная статья, в которой Хайек доказывает, что Госсен был предтечей скорее математической школы Вальраса и Джевонса, чем австрийской школы в строгом смысле этого слова. Недавно эта статья переведена на английский Ральфом Райко и опубликована в третьем томе собраний сочинений Хайека: *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, vol. 3 of *The Collected Works of F. A. Hayek* (London: Routledge, 1991), 352—371. Именно в этом контексте следует воспринимать письмо Карла Менгера Леону Вальрасу от 27 января 1887 г., где Менгер пишет, что имеется лишь несколько пунктов, по которым он согласен с Госсеном, и ни один из них не является существенным. («Nur in einigen Punkten, nicht aber in den entscheidenden Fragen zwischen uns Übereinstimmung, bez. Ähnlichkeit der Auffassung»). См.: William Jaffé, *Correspondence of Léon Walras and Related Papers*, vol. 2 (Amsterdam: North-Holland, 1965), 176, letter no. 765.

⁶ *Die Quintessenz des Sozialismus*, 18th ed. (Gotha: F. A. Perthes, 1919), 51—52 (1st ed. 1874). Собственно, Менгер возглавил кафедру экономической теории, когда она оказалась вакантной после неожиданного назначения Шеффле министром торговли в феврале 1871 года. О несомненном влиянии, которое наименее зараженный историзмом сектор немецкой школы экономической теории до Менгера оказал на некоторые его ключевые работы, см. интересную статью: Eric W. Streissler, “The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall” in *Carl Menger and His Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, Annual

це столетия Уолтер Бэдждот⁷, пронизательно отметив, что первобытный, нецивилизованный человек не умел даже приблизительно оценивать издержки и выгоды, сделал из этого вывод, что во всех промышленных обществах ведение расчетов в денежных единицах необходимо для оценки производственных издержек.

Далее нам следует упомянуть о работах Вильфредо Парето. Влияние Парето на спор об экономическом расчете при социализме было противоречивым. Оно было негативным в той степени, в какой Парето был сосредоточен на математическом анализе *экономического равновесия*: подхода, предполагающего, что вся информация, необходимая для достижения равновесия, доступна с самого начала. Этот подход породил мнение — которое позже развивал Бароне, а за ним повторяли *ad nauseam* многие экономисты, — что проблему экономического расчета в социалистических экономиках можно разрешить математическими методами, точно также, как она была описана и решена экономистами-авторами модели математического равновесия применительно к рыночной экономике. Тем не менее мы должны отметить, что ни Парето, ни Бароне не несут ответственности за ту некорректную интерпретацию, о которой мы только что упомянули, потому что оба исследователя специально оговаривали, что соответствующую систему уравнений нельзя решить, не располагая информацией, которую предоставляет рынок. В частности, в 1897 г. Парето утверждал в связи с системой уравнений, описывающей состояние равновесия: «Практическая сторона вопроса не находится во власти алгебраического анализа. ...В этом случае роли переменялись бы и не математика пришла бы на помощь политэкономии, а политэкономия — математике. Иными сло-

---

Supplement to vol. 22 of *History of Political Economy* (Durham: Duke University Press, 1990), 31–68. Подробный критический разбор книги Шеффле о социализме дал Эдвард Стэнли Робертсон в статье: Edward Stanley Robertson, “The Impracticability of Socialism” in *A Plea for Liberty: An Argument against Socialism and Socialistic Legislation, Consisting of an Introduction by Herbert Spencer and Essays by Various Writers*, ed. Thomas Mackay; 1891, reprint 1981 (Indianapolis: Liberty Classics), 35–79.

⁷ Walter Bagehot, *Economic Studies* (London: Longmans Green, 1898), 54–58. (Имеется также современное издание [Clifton, New Jersey: Kelley, 1973].)

вами, если бы все эти уравнения были действительно известны, то единственным способом их решить было бы наблюдение за практическими решениями, которые предоставляет рынок»⁸. Парето явным образом отрицает саму возможность получить информацию, необходимую для создания системы уравнений, одновременно касаясь сопутствующей проблемы: алгебраической невозможности на практике решить систему уравнений, формально описывающую равновесие.

⁸ Мы приводим здесь, ввиду его чрезвычайной важности, целиком раздел 217 главы 2 книги Парето *Manuel D'Économie Politique*, в издании Droz, Geneva, 1966, pp. 233—234: «Условия экономического равновесия, которые мы перечислили, дают нам общее представление об этом равновесии. Чтобы узнать, что представляют собой определенного рода феномены, мы должны были изучить их проявления; чтобы узнать, что такое экономическое равновесие, мы должны исследовать, каким образом оно было определено. Заметим, впрочем, что процесс определения этого ни в коем случае не имеет целью численный расчет цен. Выберем гипотезу, которая в наибольшей степени благоприятствует такому расчету; предположим, что, преодолев все трудности, мы узнали данные нашей задачи, и что мы знаем все полезности (*ophélimités*) всех товаров для каждого человека, все детали производства товаров и т.п. Совершенно очевидно, что эта гипотеза абсурдна — но и она еще не дает нам практической возможности для решения этой задачи. Мы видели, что в случае 100 человек и 700 товаров имелось 70 699 условий (на самом деле здесь мы пренебрегли многими обстоятельствами, в реальности их было бы гораздо больше); таким образом, нам следовало бы решить систему из 70 699 уравнений. Это превосходит возможности алгебраического анализа и превзошло бы их еще больше, если принять во внимание баснословное число уравнений для населения численностью 40 млн человек и несколько тысяч наименований товаров. В этих случаях роли переменялись бы: и не математика пришла бы на помощь политэкономии, а политэкономия — математике. Иными словами, если бы можно было действительно узнать все эти уравнения, то единственным доступным для человеческого разума способом их решения было бы следование тому практическому решению, которое дает рынок» (курсив мой. — У. де С.). Существует английский перевод Энн Швир под названием *Manual of Political Economy* (New York: Augustus M. Kelley, 1971). См. перевод цитаты в тексте в разделе 171. [Между английским переводом и французским оригиналом есть мелкие различия, отраженные в русском переводе. — Перев.]

Вслед за Парето, Энрико Бароне в знаменитой статье 1908 г., посвященной рассмотрению коллективистского государства в русле идей Парето, явным образом подтверждает, что даже если было бы можно преодолеть практические сложности алгебраического характера, связанные с решением вышеописанной системы уравнений (что не является теоретически невозможным), то все равно *немыслимо* (и, соответственно, *теоретически невозможно*) было бы получить информацию, необходимую для определения технических коэффициентов для этой системы уравнений⁹.

⁹ Enrico Barone, "Il Ministro della Produzione nello Stato Collettivista," *Giornale degli Economisti* (Sept.-Oct. 1908), английский перевод Ф. А. Хайека: "The Ministry of Production in the Collectivist State," in *Collectivist Economic Planning*, ed. F.A. Hayek (Clifton: Augustus M. Kelley, 1975), appendix A, 245–290. В частности, Энрико Бароне пишет: «Решить уравнения равновесия на бумаге не невозможно. Это огромная — колоссальная — но не *невозможная* задача. Однако совершенно *немыслимо*, чтобы можно было экономически априори определить технические коэффициенты... Коллективисты определенно пренебрегают экономической дисперсностью технических коэффициентов. ... Именно из-за этого априори невозможно вычислить на бумаге уравнения равновесия для максимального коллективного благосостояния» (pp. 287–288). Невозможно себе представить, как после этих прямых заявлений Бароне многие экономисты, в том числе такие знаменитые, как Шумпетер, утверждали, что Бароне решил поставленный Мизесом вопрос о теоретической невозможности социализма. Из текстов этих ошибавшихся экономистов становится понятно, что, во-первых, они не поняли сути вопроса, поставленного Мизесом; во-вторых, они невнимательно читали Бароне и Парето; в-третьих, что презумпция доступности полной информации, которая используется при формальном описании равновесия, — это мираж, способный обмануть даже самые блестящие умы. Бароне (1859–1924) прожил интересную и увлекательную жизнь, где чередовались взлеты и падения; он не только занимался математическими методами в экономике, а был еще журналистом и сценаристом (для своих сценариев полковник Бароне использовал свои обширные познания в военной истории, которую он долго преподавал в центре переподготовки офицеров), активным участником становления итальянского кинематографа. О Бароне см.: Del Vecchio, "L'opéra scientifica di Enrico Barone," *Giornale degli Economisti* (November 1925) и F. Caffé, "Barone" in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 1: 195–196.

Несмотря на эти ясные (хотя и немногочисленные) предостережения, мы начали с того, что оценили роль Парето и Бароне как противоречивую. Действительно, хотя оба этих автора ссылаются на практические препятствия, не позволяющие решить соответствующую систему уравнений, а также упоминают о том, что получить информацию, необходимую для описания равновесия, теоретически невозможно, создавая новую научную парадигму в экономической теории, парадигму, основанную на использовании математических методов для описания модели равновесия (по крайней мере, в формальных рамках), они неизбежно оказываются вынуждены предположить, что, по крайней мере в этих формальных рамках необходимая информация доступна. Поэтому, несмотря на сомнения, которые *мимоходом* выражали Парето и Бароне, очень многие их последователи до сих пор не в состоянии понять, что математический анализ равновесия имеет в лучшем случае герменевтическую или интерпретативную ценность, которая ни на йоту не увеличивает шансов теоретического решения задачи, с которой сталкивается любой орган власти, стремящийся получить практическую информацию, необходимую для принудительного планирования и координации жизни общества.

Первым, кто написал статью о неразрешимой экономической проблеме, с которой должно столкнуться коллективистское общество, был голландский экономист Николаас Пирсон¹⁰. Статья Пирсона особенно достойна похвалы с учетом того, что она была написана в 1902 г. Пирсон считает, что проблема ценности вообще и, в частности, проблема, возникающая

¹⁰ Nicolaas G. Pierson, "Het Waardeprobleem in een socialistische Maatschappij," опубликовано в голландской газете *De Economist* vol. 1 (1902): 423—456; перевод на английский Гардинера под названием "The Problem of Value in the Socialist Community," chap. 2 of *Collectivist Economic Planning*, 41—85. Пирсон (1839—1909), который находился под сильным влиянием австрийской школы, был председателем Центрального банка, министром финансов и премьер-министром Голландии. См. увлекательную биографию этого выдающегося голландского экономиста и государственного деятеля, написанную Ван Маарсеveenом (J. G. Van Maarseveen; Rotterdam: Erasmus University, 1981), а также статью: Arnold Heertje, "Nicolaas Gerard Pierson" in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 3: 876.

относительно любого человеческого действия в свете необходимости оценки целей и средств, неотделима от природы человека, и в силу этого будет существовать вечно и не будет устарена с созданием социалистической системы. Кроме того, Пирсон упоминает о больших препятствиях, возникающих для оценки и расчета при отсутствии цен, а также критикует те неуклюжие планы практического установления коммунизма, которые существовали на тот момент, и, в особенности, экономический расчет в рабочих часах. Однако, несмотря на все эти существенные замечания, Пирсон ограничился лишь блестящими догадками и не смог точно описать проблему, которую составляет рассеянный характер практической информации, постоянно возникающей и передающейся на рынке; впервые эту проблему четко проанализировал и объяснил Мизес¹¹.

Незадолго до Мизеса наличие этой фундаментальной экономической проблемы почувствовал Визер, когда в 1914 г. писал, что в экономике рассредоточенная деятельность миллионов людей гораздо более результативна, чем централизованная организация сверху, поскольку последняя «не в состоянии быть в курсе бесчисленных возможностей»¹².

Вслед за Визером, немецкий социолог Макс Вебер в своем *opus magnum*, «Хозяйство и общество», опубликованном посмертно в 1922 г. после длительного периода издательской подготовки, прямо обращается к экономическим проблемам, которые воспоследуют в случае попытки воплотить социализм в жизнь. В частности, Вебер отмечает, что расчеты натурой, предлагавшиеся некоторыми социалистами, не могут считаться разумным решением этих проблем. Действительно, Вебер специально подчеркивает, что сохранение и эффективное использование капитала может быть обеспечено только в обществе, основанном на добровольном обмене и использовании денег, и что из-за потерь и уничтожения экономических ресурсов, которые будут вызваны социалистической системой (в отсутствие разумного экономического расчета), невоз-

---

¹¹ Мизес тем не менее великодушно утверждает, что Пирсон «ясно и полностью описал проблему в 1902 г.» (Mises, *Socialism*, 117 [Мизес. Социализм. С. 91 сн.]). Любопытно, что там же Мизес пишет по поводу Бароне: «Бароне не смог проникнуть в суть проблемы».

¹² См. в следующей главе сноску 4.

можно будет даже поддерживать тот уровень населения, который имелся в наиболее густонаселенных районах на момент ее установления¹³. У нас нет оснований не верить Веберу, когда в сноске он пишет, что узнал о новаторской статье Мизеса только тогда, когда книга уже была сдана в печать.

Наконец, мы должны упомянуть русского профессора Бориса Бруцкуса, работы которого тесно связаны с трудами Макса Вебера и Мизеса. В начале 20-х годов Бруцкус занимался практическими проблемами, возникшими в связи с установлением коммунизма в Советской России, что привело его к выводам, очень похожим на выводы Мизеса и Вебера; он

¹³ Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1978), chap. 2, points 12, 13, 14, pp. 100 ff. [См.: Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008 (готовится к печати).] Особенно важен вывод, который делает Вебер: «Там, где применяется радикальный вариант плановой экономики, следует смириться с неизбежным снижением уровня формальной, счетной рациональности, что вытекает из уничтожения денег и бухгалтерского учета капитала. Этот фундаментальный и в конечном счете неизбежный элемент иррациональности является одним из важнейших источников всех «социальных» проблем и, прежде всего, проблем социализма» (р. 111). Вебер даже ссылается на статью Мизеса (р. 107), отмечая, что он обнаружил ее только тогда, когда рукопись его собственной книги была уже готова; таким образом, оба исследователя пришли к своим открытиям независимо друг от друга. Кроме того, Макс Веберу принадлежит неоспоримая заслуга: он первый показал, что социализм препятствует росту населения. Действительно, Вебер пишет: «Следует серьезно отнестись к тезису о том, что *поддержание определенной численности населения в конкретном регионе возможно только на основании верного расчета*. В той степени, в какой это верно, возможный уровень национализации будет ограничен необходимостью поддерживать систему эффективных цен». (Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization* [New York: The Press of Glencourt, 1964], 184—185.) Согласно нашим аргументам, изложенным в главе 3, при социалистическом режиме разделение знания не в состоянии распространяться и углубляться, так как свободное создание и передача новой практической информации запрещены. В связи с этим появляется необходимость воспроизводить заново огромные объемы информации, и, с учетом ограниченности человеческого ума, это приводит к тому, что единственно возможной становится экономика простого выживания при небольшой численности населения.

даже прямо утверждал, что экономический расчет в обществах с централизованным планированием и отсутствием рыночных цен теоретически невозможен¹⁴.

Итак, мы перечислили наиболее значительные работы, которые составляют *предысторию* спора о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Их объединяет неполнота и интуитивность восприятия главной проблемы социализма, которую мы подоробно проанализировали в предыдущей главе и которая состоит в теоретической невозможности для центрального планового органа получить практическую информацию, необходимую для того, чтобы организовать общество. Кроме того, ни одна из этих работ не пробудила теоретиков социализма от летаргии, в которой они пребывали, в лучших марксистских традициях ограничиваясь критикой капиталистической системы и оставляя вне поля зрения фундаментальный вопрос о том, как собственно, должен функционировать социализм. Только Каутский, уязвленный упомянутой выше статьей Пирсона, осмелился нарушить молчаливое согласие, царившее на этот счет среди марксистов, и попытался описать будущую организацию социалистического общества, несмотря на то, что этим он лишь продемонстрировал свое абсолютное непонимание важнейшей экономической проблемы, поднятой Пирсоном¹⁵. После этого представ-

---

¹⁴ Первоначально работы Бруцкуса появились по-русски в журнале «Экономист» в 1921 и 1922 гг. Позже, в 1928 г., они были переведены на немецкий и опубликованы под названием *Die Lehren des Marxismus im Lichte der russischen Revolution* (Berlin: H. Sack, 1928); и, наконец, они были переведены на английский и изданы в виде сборника: Boris Brutzkus, *Economic Planning in Soviet Russia* (London: Routledge, 1935). (Существует переиздание 1982 г.: Hyperion Press, Westport, Connecticut.) В последнее время работы Бруцкуса получили очень высокую оценку, в особенности потому, что ему удалось соединить исторический и теоретический аспекты проблемы, избежав того разрыва между теорией и практикой, который был присущ позднейшим этапам полемики. См.: Peter J. Boettke, *The Political Economy of Soviet Socialism (The Formative Years 1918–1928)* (Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1990), 30–35, 41–42.

¹⁵ Мы имеем в виду лекцию, прочитанную Каутским в Дельфте 24 апреля 1902 г., английский перевод которой был опубликован в 1907 г. под названием *The Social Revolution and on the Morrow of the Revolution* (London: Twentieth Century Press). Взгляды,

ляющая интерес социалистическая аналитика появилась только в ответ на основополагающий текст Мизеса. Единственным исключением был Отто Нейрат¹⁶, в 1919 г. опубликовавший

близкие позиции Каутского, можно найти у Г. Зулцера: G. Sulzer, *Die Zukunft des Sozialismus*, Dresden, 1899.

- ¹⁶ Otto Neurath, *Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft* (Munich: G. D. W. Callwey, 1919). Имеется перевод на английский под названием “Through War Economy to Economy in Kind” in *Empiricism and Sociology* (Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1973). Следует учитывать, что Отто Нейрат был директором баварского *Zentralwirtschaftsamt*, органа, отвечавшего за план национализации в Баварской советской республике, советском революционном режиме в Баварии, который существовал в Мюнхене весной 1919 г. После поражения революции Нейрата судили, в качестве свидетеля от защиты выступал Макс Вебер. Нейрат умер в 1945 г. Идеи, похожие на идеи Нейрата, высказывал Отто Бауэр в книге: Otto Bauer, *Der Weg zum Sozialismus*, Vienna, Ignaz Brand, 1919. В этой книге Бауэр, подобно Нейрату, защищает возможность экономического расчета в натуральной форме, то есть без использования денежных единиц. Недавно к работам Нейрата вновь обратился испанский экономист Хуан Мартинес-Альер: Juan Martinez-Alier, *Ecological Economics*, 2nd ed. (Oxford: Basil Blackwell, 1990), 212—218. Нужно отметить, что и Нейрат, и Бауэр более или менее регулярно посещали семинар Бём-Баверка, одним из наиболее активных участников которого до 1913 г. был Людвиг фон Мизес. Если реплики Нейрата в основном сводились к прямой марксистской ортодоксии, то другой марксист, Отто Бауэр, был вынужден признать, что марксистская теория ценности неубедительна и что своим «ответом» Бём-Баверку Гильфердинг всего-навсего продемонстрировал собственную неспособность хотя бы осознать проблему. В это время Мизес решил выступить с критическим анализом социализма, основанным на мыслях, которые возникли у него во время войны, когда он служил сначала артиллерийским капитаном на восточном фронте (в Карпатах), а после того, как в 1917 г. перенес тиф — в экономическом управлении министерства обороны Австро-Венгрии (затем — Австрии). См. об этом в его захватывающей интеллектуальной автобиографии: Ludwig von Mises, *Notes and Recollections* (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1978), 11, 40—41, 65—66, 110—111. Так или иначе, взгляды Мизеса на социализм были одним из компонентов той новаторской теоретической концепции, к которой он пришел уже в 1912 г. (Mises, *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel* [Munich und Leipzig: Duncker und Humblot, 1912] [Мизес Л. фон. Теория денег и средств обращения. Челябинск: Социум, 2008]). Лучшее издание этой книги на английском языке: *The Theory of*

книгу, где он утверждал, будто бы события Первой мировой войны «доказали», что имеется возможность централизованного планирования *in natura*. Именно книга Нейрата вызвала острую реакцию Мизеса в форме прочитанной им в 1919 г. лекции, которая легла в основание знаковой статьи, опубликованной весной следующего, 1920 г.¹⁷

Money and Credit (Liberty Press, 1981). Теория Мизеса объединила субъективную, внутреннюю область (ординальных) индивидуальных оценок и объективную, внешнюю область оценочных цен рынка, выраженных в (кардинальных) денежных единицах. Эти две области *соединяются* во всех случаях, когда различие в субъективных оценках участников, выраженное в денежной рыночной цене или в денежных единицах, приводит к акту межличностного обмена. Эта цена имеет определенное реальное, количественное выражение и предоставляет предпринимателю ценную информацию для оценки будущего хода событий и принятия решений (то есть для экономического расчета). Таким образом, очевидно, что если свободной человеческой деятельности насильственно препятствуют, то добровольные обмены между людьми происходить не будут, и соединение субъективного, внутреннего мира (ординальных) прямых оценок и объективного, внешнего мира (кардинальных) цен, которое выражается в этих обменах, станет совершенно невозможным. Этой чрезвычайно важной мысли об эволюции и логической связности концепции Мизеса мы обязаны Мюррею Ротбарду: Murray N. Rothbard, "The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited," *The Review of Austrian Economics* 5, no. 3 (1991): 64–65. Однако, мы полагаем, что Ротбард, стремясь обозначить различия между Хайеком и Мизесом, не осознает, что разрыв открытой Мизесом связи между внутренней сферой субъективных оценок и внешней сферой цен прежде всего ставит проблему, возникающую из-за того, что перестают создаваться и распространяться (существующие и будущие) информация и знание, необходимые для экономического расчета, и что, соответственно, мы можем рассматривать работы Хайека и Мизеса, очевидно и неизбежно различающиеся акцентами и мелкими деталями, в качестве неразличимых по существу элементов одной и той же аргументации, направленной против экономического расчета при социализме: Мизес обращает больше внимания на *динамические* проблемы, в то время как Хайек, возможно, иногда уделяет больше внимания проблемам, связанным с дисперсностью *существующего* знания. См. также сноску 44 в главе 2.

¹⁷ Существует два прекрасных аналитических обзора «предыстории» спора об экономическом расчете: F.A. Hayek, "Nature and History of the Problem" in *Collectivist Economic Planning*, 1–40; David

2. Фундаментальное открытие Людвиг фон Мизеса

Если есть что-то, с чем согласны все участники спора об экономическом расчете при социализме, то это с тем, что он официально начался со знаменитой статьи Мизеса 1920 г. “*Die Wirtschaftsrechnung im Sozialistischen Gemeinwesen*”, или «Экономический расчет в социалистическом сообществе»¹⁸.

Ramsay Steele, “Posing the Problem: the Impossibility of Economic Calculation under Socialism,” *Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 8—22. Несмотря на процитированные нами тексты, относящиеся к «предыстории» вопроса до Мизеса, как верно отмечает Ротбард (“The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited,” 51), проблема социализма всегда воспринималась в большей степени не как экономическая, а как политическая проблема, связанная со «стимулами». Блестящий пример такого рода наивной критики социализма — книга William Hurrell Mallock, *A Critical Examination of Socialism*, впервые изданная в 1908 г. и переизданная в 1990 (New Brunswick: Transaction Publishers).

¹⁸ Статья была опубликована в *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 47 (April 1920), 86—121. (Позже она была переведена на английский С. Адлером под названием “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth,” и опубликована в качестве главы 3 книги *Collectivist Economic Planning* [1933], 87—130.) Спустя два года, в 1922 г. Мизес практически буквально воспроизвел текст статьи в книге, посвященной систематической критике всех аспектов социализма: Mises, *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus* (Jena: Gustav Fischer, 1922); книга была переведена на английский Дж. Кахане и опубликована под названием *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. В этом переводе она несколько раз переиздавалась разными издательствами; лучшее издание — Liberty Classics edition (Indianapolis, 1981), 95—197 [русск. изд.: Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 76—145]. Недавно английская версия этой культовой статьи Мизеса вышла в роскошном издании с двойным предисловием российского экономиста Юрия Мальцева и Яцека Кохановича (профессор экономики Вашавского университета); книга включает постскрипtum Джозефа Салерно, озаглавленный «Почему социалистическая экономика невозможна?» (Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, 1990). Хотя статья Мизеса не переводилась на испанский, Луис Монтес де Ока сделал довольно хороший перевод *Die Gemeinwirtschaft*, который был опубликован под названием *Socialismo, Análisis Económico*

В этой статье воспроизведено содержание лекции, прочитанной Мизесом в 1919 г. на заседании Экономического общества (Nationalökonomische Gesellschaft); в лекции он ответил на главный тезис свежееопубликованной книги Отто Нейрата. Трудно переоценить то мощное влияние, которое статья Мизеса оказала на сообщество его коллег-экономистов и на теоретиков социализма. Из-за его холодной, неумолимой логики, прозрачности его объяснений и полемического духа статьи его доводами было невозможно пренебречь, как это произошло с доводами его предшественников. Так, Отто Лейхтер видит заслугу Мизеса в том, что он первым привлек внимание теоретиков социализма к необходимости решения проблемы экономического расчета¹⁹. Экономист-социалист Оскар Ланге, о котором мы будем подробнейшим образом говорить несколько позже, иронически заметил, что Мизес оказал социалистической теории такую услугу, что ему следует поставить памятник в Госпланах всех социалистических стран²⁰. Возможно, в свете недавних исторических событий в странах вос-

---

y Sociológico, в Мехико (Editorial Hermes, 1961) и Буэнос-Айресе (Instituto Nacional de Publicaciones de Buenos Aires, 1968), а также переиздан Western Books Foundation (WBF), New York (1989). Кроме того, эта книга была переведена на французский и опубликована с предисловием Франсуа Перру (François Perroux) (Paris: Librairie de Medicis, 1952).

¹⁹ «Большая заслуга Людвиг фон Мизеса состоит в том, что он с такой энергией привлек внимание социалистов к этому вопросу. В этом ему следует отдать должное, хотя он и не стремился к тому, чтобы его критика послужила толчком для развития социалистической теории и практики» (Otto Leichter, *Die Wirtschaftsrechnung in der Sozialistischen Gesellschaft* [Vienna: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung, 1923], 74. Английский перевод цитаты приводится по: Trygve J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society* [Indianapolis: Liberty Press, 1981]).

²⁰ «Статуе профессора Мизеса должно быть отведено почетное место в большом зале министерства национализации или центрального совета планирования каждой из социалистических стран... и в знак признания его заслуг, и в память об огромной важности правильного экономического учета» (Oskar Lange, "On the Economic Theory of Socialism," *Review of Economic Studies* [October 1936]: 53). Эта статья была перепечатана в книге: *On the Economic Theory of Socialism*, ed. В. Е. Lippincott (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938 and 1964), 55—143. Недавно часть статьи Ланге была снова опубликована в книге: *Friedrich*

точного блока было бы неудивительно, если бы саркастические замечания Ланге аукнулись ему и во многих столицах бывших коммунистических стран воздвигли статуи молодого Людвиг фон Мизеса на месте старых, обветшавших памятников марксистским лидерам прошлого²¹.

Суть и основное содержание открытия Мизеса

Мизес был первым, кто сосредоточился на теоретическом анализе процессов, с помощью которых создается и передается практическая информация, процессов, которые в совокупности образуют жизнь общества и которые мы рассмотрели в главах 2 и 3. Терминология Мизеса была еще довольно неуклюжей, и вместо того, чтобы говорить о рассеянной практической информации, он ссылаясь на некое *разделение умственного труда*; оно, с его точки зрения, составляло сущность рынка, представляло и порождало информацию, обеспечивающую экономический расчет, или оценку, которая требуется для принятия любых предпринимательских решений. В частности, Мизес пишет: «Распределение среди некоторого числа людей административного контроля за экономическими благами в сообществе людей, принимающих участие в работе по их производству и заинтересованных в них экономически, создает своего рода разделение умственного труда, которое было бы невозможно без какой-либо системы учета продукции и без экономического хозяйствования»²². Через два года, в 1922 г. В своем систематическом трактате о социализме Мизес выразил ту же самую мысль еще более ярко: «В обществах, основанных на разделении труда, распределение прав собственности создает свое-

---

A. Hayek: Critical Assessments, ed. J. C. Wood and R. N. Woods (London: Routledge, 1991), chap. 17, 180–201.

²¹ Бюст Мизеса уже украшает библиотеку кафедры экономической теории Варшавского университета, где преподавал Оскар Ланге; он стоит рядом с бывшим кабинетом Ланге. Открытие памятника состоялось в сентябре 1990 г. благодаря усилиям Джорджа Кеттера. (См. *Free Market* 9, no. 2 [February 1991]: 8; а также: *The Journal of Economic Perspectives* 5, no. 3 [summer 1991]: 214–215.)

²² Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 102.

го рода разделение умственного труда, и без такого разделения ни экономичное хозяйство, ни упорядоченное производство не были бы возможны»²³. Кроме того, еще через пять лет в работе 1927 г. «Либерализм» Мизес четко сформулировал вывод о том, что его анализ основан на невозможности порождения внутри социалистической системы практической информации в виде рыночных цен, необходимой для разделения умственного труда, которого требует современное общество и которое возникает исключительно из творческого характера человеческой деятельности, или предпринимательства: «Это и есть то *решающее возражение*, которое экономическая наука выдвигает против возможности социалистического общества. Такое общество должно было бы отказаться от *разделения умственного труда*, заключающегося в сотрудничестве всех предпринимателей, землевладельцев и рабочих — производителей и потребителей — в процессе формирования *рыночных цен*»²⁴.

Другое важнейшее открытие Мизеса состояло в том, что информация, которую постоянно генерирует рынок, возникает в ходе предпринимательства, ориентированного на те конкретные обстоятельства времени и места, которые могут быть известны только самому действующему индивиду. Таким образом, практическое предпринимательское знание возникает на рынке в результате уникального положения, которое каждый действующий человек занимает в процессе производства. Если существуют помехи для свободного предпринимательства и предпринимаются попытки принудительно организовать общество сверху, то предприниматели будут не в состоянии действовать свободно и, следовательно, перестанут быть предпринимателями. Они не будут даже знать о существовании той информации, которую они не смогут находить или создавать. Это произойдет со всеми предпринимателями, вне зависимости от их научных достижений и профессиональной управленческой квалификации²⁵. Мизес пишет: «Ком-

²³ Ludwig von Mises, *Socialism*, 101 [Мизес. Социализм. С. 80].

²⁴ Ludwig von Mises, *Liberalism* (San Francisco: Cobden Press, 1985). Первое издание этой книги было опубликовано в 1927 г. под названием *Liberalismus* (Jena: Gustav Fischer) [Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2006. С. 113].

²⁵ Эта ключевая мысль Мизеса прямо восходит к Карлу Менгеру, как видно по записной книжке, в которой кронпринц Рудольф в 1876 г. начал записывать мысли, которые, можно сказать, дик-

мерческая установка и коммерческая активность предпринимателя возникают из его *положения* в экономическом процессе и исчезают с его потерей. Когда успешного бизнесмена назначают управляющим государственным предприятием, он может быть еще способен какое-то время рутинно использовать свой предыдущий опыт. Однако, переходя в государственный сектор, он перестает быть коммерсантом и становится точно таким же бюрократом, как любой человек на госу-

---

товал ему Менгер, официально назначенный его наставником. На страницах 50—51 шестой книжечки мы читаем: «Правительству в принципе не могут быть известны интересы всех граждан. ... Вне зависимости от того, насколько тщательно спроектированы институты и насколько благими являются их намерения, они не могут устроить всех. *Только сам человек знает все о своих интересах и способах их осуществления.* ... Даже самый лояльный государственный служащий — это лишь *слепое орудие* машины, которая решает все задачи стереотипно, посредством постановлений и инструкций. Он не способен соответствовать ни требованиям современного прогресса, ни разнообразию практической жизни. Поэтому невозможно подходить ко всем экономическим занятиям одним и тем же стереотипным образом, следуя одному и тому же правилу и не обращая никакого внимания на индивидуальные интересы» (Эрцгерцог Рудольф, кронпринц Австрии, *Politische Oekonomie* [Heft, January-August, 1876], рукопись, написанная принцем собственноручно, и хранящаяся в *Österreichisches Staatsarchiv*. Эти записки обнаружила историк Бригитте Хаман (Brigitte Hamann), а Моника Штрайслер и Дэвид Гуд перевели их на английский. Перевод приводится по Erich W. Streissler, *Carl Menger on Economic Policy: the Lectures to Crown Prince Rudolf in Carl Menger and his Legacy in Economics*, ed. Bruce J. Caldwell, Annual Supplement to vol. 22, *History of Political Economy* [Durham: Duke University Press, 1990], 107—130, esp. 120—121). Любопытно, что Мизес считал трагическую смерть эрцгерцога Рудольфа результатом влияния на него Карла Менгера. Менгер осознавал тот разрушительный эффект, который распространение антилиберальной интеллектуальной заразы неизбежно должно было оказать на Австро-Венгерскую империю, и «передал собственный пессимизм своему молодому ученику и другу эрцгерцогу Рудольфу, наследнику австро-венгерского трона. Эрцгерцог покончил с собой, разочаровавшись в будущем собственной империи и в судьбе европейской цивилизации, а не из-за женщины (он действительно увел за собой девушку, тоже желавшую умереть, но не она стала причиной его самоубийства)». См.: Mises, *Notes and Recollections*, 34.

дарственной службе. Человека делает коммерсантом не знание бухгалтерии, не умение организовать дело, не стиль деловой переписки и даже не диплом высшей коммерческой школы, а его *особое положение в процессе производства*, позволяющее ему отождествлять интересы фирмы со своими собственными интересами»²⁶. Мизес углубляет и развивает эту идею в трактате о социализме, где он приходит к краткому выводу: «Предприниматель, отчужденный от столь характерной для него роли в экономической жизни, перестает быть бизнесменом. Сколь бы ни были велики его знания и опыт, он теперь не более чем должностное лицо»²⁷.

Итак, в той степени, в какой социализм насильственно препятствует свободному предпринимательству в базовой сфере факторов производства (капитальных благ и природных ресурсов), он мешает и возникновению, и передаче той практической информации, которая была бы необходима для оптимального размещения этих факторов центральным плановым органом. Поскольку эта информация не возникает, ее невозможно учитывать в приблизительном расчете, которым должно сопровождаться любое рациональное экономическое

---

²⁶ Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth" in *Collectivist Economic Planning*, 120—121. См. также интересную статью моего друга Виллема Кейзера: W. Keizer, "The Property Rights Basis of von Mises' Critique of Socialism" (представлена на Первой европейской конференции по австрийской экономической теории, Маастрихтский университет, 9—12 апреля 1992 г.).

²⁷ Ludwig von Mises, *Socialism*, 191 [Мизес. Социализм. С. 143]. Соответственно, противопоставление, которое формулирует Салерно, совершенно абсурдно ("Ludwig von Mises as Social Rationalist," 45 and 55). Салерно утверждает, что Мизес считал проблемой социализма экономический расчет, а не рассеянный характер знания, в то время как оба этих вопроса неразрывно связаны. Сам Мизес, как мы видели с самого начала, не только подчеркивал значение той «характерной роли» предпринимателя, которая обеспечивает его информацией, но и неизменно рассматривал экономическую теорию как науку, которая занимается не вещами, а информацией или знанием, то есть объектами духовного мира. («Экономическая теория — это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их *намерениях* и действиях». — *Human Action*, 92 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 89].)

решение. Итак, люди из центрального регулирующего органа, принимая решения и действуя, не в состоянии осознавать даже того, не отказываются ли они при этом от достижения тех целей, которые они сами сочли бы более желанными. Следовательно, при социализме экономические решения принимаются произвольно и наобум.

Здесь очень важно подчеркнуть, что доказательство Мизеса носит теоретический характер и относится к *интеллектуальной ошибке*, которая пронизывает все социалистические идеи, поскольку невозможно организовать функционирование общества с помощью принуждения, если надзорный орган в принципе не может получить необходимую для этого информацию. Доказательство Мизеса — это *теоретическое доказательство* практической невозможности социализма²⁸. Иными словами, это *типично* теоретическое доказательство, так как теория — это просто абстрактный и формальный качественный анализ реальности, анализ, который никогда не должен терять свою связь с реальностью и должен обладать максимальной значимостью по отношению к реальным ситуациям и процессам. Тем самым, совершенно ложны утверждения многих авторов, которые в силу своей неспособности отличить «теорию» от анализа равновесия, ошибочно заявляли, что Мизес рассматривал невозможность социализма с точки

---

²⁸ «Противопоставление “теоретического” и “практического” является ложным. Все аргументы экономической теории носят теоретический характер. А поскольку экономическая теория описывает реальный мир, то эти теоретические аргументы одновременно являются и практическими» (Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State: A Treatise on Economic Principles*, vol. 2 [Los Angeles: Nash Publishing, 1970], 549). На самом деле нет ничего практичнее хорошей теории, а доказательство Мизеса, как и доказательство его критиков — сторонников математических методов носит теоретический характер. Разница в том, что теоретическое доказательство Мизеса имеет важное значение для практического функционирования рыночной экономики и для социализма, в то время как теоретическое доказательство, предложенное экономистами — сторонниками математических методов, *такого значения не имеет*, поскольку относится к модели равновесия, по определению подразумевающей, что эта экономическая проблема уже решена; ведь модель равновесия исходит из того, что вся необходимая информация дана и доступна регулирующему органу.

зрения формальной модели равновесия, или «чистой логики выбора». На самом деле уже в 1920 г. Мизес специально оговаривал, что его анализ не может быть применен к модели равновесия. Эта модель с самого начала предполагает, что вся необходимая информация уже доступна, а это означает, что фундаментальная экономическая проблема социализма уже решена *ab initia*, что и приводит к тому, что теории равновесия не замечают этой проблемы. На практике проблема социализма связана с тем, что когда регулирующий орган издает декрет или приказ в поддержку какой-либо экономической меры или против нее, у него нет информации, необходимой для того, чтобы установить, верно или нет он действует, и, соответственно, он в принципе не в состоянии провести экономический расчет, или оценку. Если предположить, что контрольный орган имеет в своем распоряжении всю необходимую информацию, а также, что никаких перемен не произойдет, то очевидно, что проблемы с экономическим расчетом не возникает, поскольку эта проблема заведомо считается несуществующей. Итак, Мизес пишет: «*Статичное государство может обойтись без экономического расчета*. Ведь если в экономической жизни все время повторяются одни и те же события и если мы предположим, что статичная социалистическая экономика возникает на основе конечного состояния конкурентной экономики, то мы могли бы в любом случае концептуально представить себе такую социалистическую систему производства, которая, с экономической точки зрения, находится под рациональным контролем. Но это возможно лишь в концептуальном отношении, пока мы оставляем в стороне то, что в реальной жизни статичное государство невозможно, поскольку экономические данные постоянно меняются и, таким образом, статический характер экономической активности это лишь теоретическое предположение, не соответствующее реальному положению дел»²⁹. Следовательно, доказательство Мизеса является теоретическим доказательством логической невозможности социализма, но при этом оно учитывает теорию и логику человеческой деятельности и порождаемых ею реальных социальных, динамических и стихийных процессов, а не «логику» и

---

²⁹ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 109.

«теорию», основанную на механической деятельности в условиях совершенного равновесия, которой занимаются «всезнающие» существа, не имеющие ничего общего ни с людьми, ни с их реальной жизнью. Спустя два года в своей книге о социализме Мизес выразил это даже еще яснее: «В стационарных условиях больше не существует проблем, которые требовали бы экономических расчетов. В соответствии с *ипотезой* основная функция экономических расчетов предполагается уже выполненной, и больше нет нужды в аппарате расчета. Используя популярную, хотя и не вполне удовлетворительную, терминологию, можно сказать, что проблема экономического расчета есть проблема экономической динамики, а не статике»³⁰. Это утверждение Мизеса абсолютно вписывается в австрийскую традицию в том ее виде, в котором она была создана Менгером, развивалась Бём-Баверком и была продолжена в третьем поколении самим Мизесом. Действительно, по словам самого Мизеса, «заслугой австрийской школы и тем, что составит в будущем ее бессмертную славу, является именно то, что она создала теорию экономической деятельности, в отличие от теории экономического равновесия, то есть бездеятельности»³¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, в связи с тем, что в состоянии равновесия никакой экономической расчет не нужен, единственными, кто смог открыть теорему невозможности экономического расчета при социализме, были представители австрийской школы, которая занималась теоретическим анализом реальных, динамических процессов, происходящих на рынке, а не разработкой математических моделей частичного или общего равновесия.

Мы продемонстрировали, что Мизес в своей статье 1920 г. уже четко сформулировал суть теории невозможности соци-

---

³⁰ Ludwig von Mises, *Socialism*, 120–121 [Мизес. Социализм. С. 94]. Таким образом, утверждение Салерно, что Мизес будто бы рассматривал проблему экономического расчета просто как проблему максимизации по Роббинсу (когда цели и средства являются данностью), бессмысленно. (См.: Joseph T. Salerno, “Ludwig von Mises as Social Rationalist,” *Review of Austrian Economics* 4 (1990): 46.) С динамической точки зрения, ни цели, ни средства не являются данностью — их следует постоянно создавать и находить. Для расчетов нужно заглядывать в будущее, и соответственно создавать новую информацию.

³¹ См.: Mises, *Notes and Recollections*, 36.

ализма, которую мы подробно изложили в главах 1 и 2. Статья Мизеса оказала сильнейшее влияние на его юного ученика по имени Ф. А. Хайек, побудив его отказаться от своих «благонамеренных» социалистических взглядов и посвятить значительные интеллектуальные усилия развитию и углублению идей учителя³². Поэтому мы не можем согласиться с ошибочным мнением, будто бы имеются два различных доказательства невозможности экономического расчета в социалистической экономике. Те, кто придерживается этого мнения, заявляют, что первое доказательство, которое является просто *алгебраическим или вычислительным*, было предложено Мизесом; оно доказывает невозможность экономического расчета во всех тех случаях, когда нет цен, позволяющих посчитать прибыли и убытки. Второе доказательство якобы носит *эпистемологический* характер, принадлежит в основном Ф. А. Хайеку и доказывает, что социализм не может функционировать из-за того, что центральный плановый орган в принципе не способен получить доступ к насущной практической информации, необходимой для организации жизни в обществе³³.

В действительности Мизес считал, что два доказательства — расчетное и эпистемологическое — представляют собой просто две стороны одной медали. Ведь никакой экономический расчет (как и связанная с ним предварительная оценка) невозможен, если необходимая информация в виде цен *рынка* недоступна. Кроме того, к постоянному *созданию* такой информации приводит как раз свобода предпринимательства. Предприниматели, держа в уме условия торговли, или рыноч-

---

³² «Источником вдохновения для меня были взгляды Людвиг фон Мизеса на проблему того, как упорядочить плановую экономику. ...Но мне понадобилось много времени для того, чтобы сформулировать в принципе простую мысль». F. A. Hayek, "The Moral Imperative of the Market" in *The Unfinished Agenda: Essays on the Political Economy of Government Policy in Honour of Arthur Seldon* (London: Institute of Economic Affairs, 1986), 143.

³³ Многие авторы ошибочно считают, что расчетное доказательство не выражает косвенным образом эпистемологического доказательства, и наоборот. См., напр.: Chadran Kukathas, *Hayek and Modern Liberalism* (Oxford: Clarendon Press, 1989), 57; Murray N. Rothbard, *Ludwig von Mises: Scholar, Creator and Hero* (Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 1988), 38, а также упомянутые выше работы Джозефа Салерно.

ные цены, существовавшие в прошлом, пытаются оценить или обнаружить те рыночные цены, которые будут существовать в будущем. Затем они начинают действовать в соответствии со своими оценками и, таким образом, действительно устанавливают будущие цены. Сам Мизес в 1922 г. писал: «Именно спекулирующие капиталисты *создают* те *данные*, к которым он [менеджер акционерной компании] должен приспособляться, и соответственно, именно они задают направление для его торговых операций»³⁴.

Все сказанное выше не должно заслонять от нас того, что новаторская статья Мизеса 1920 г. была еще довольно далека от тех законченных и тщательно проработанных книг, которые он сам и Хайек напишут в следующие десятилетия — книг, где будет дан полный анализ предпринимательства и следующих из него процессов, посредством которых генерируется информация, процессов, которым мы посвятили главы 2 и 3. Также следует учитывать то, что в момент написания первой статьи Мизес считал своей важнейшей задачей критику доминировавшей на тот момент марксистской концепции, чем и объясняется акцент, который он делает на том, что для экономического расчета необходимы деньги и цены. Чтобы рассмотреть статью Мизеса 1920 г. В ее реальном контексте, следующий раздел следует посвятить более или менее подробному изучению марксистских взглядов; эти взгляды господствовали в тех академических и интеллектуальных кругах, где вращался Мизес, и он имел возможность подробно познакомиться с ними на семинаре Бём-Баверка, заседания которого были прерваны Первой мировой войной.

3. Функционирование социализма по Марксу

Нет сомнений, что, когда Мизес писал свою новаторскую работу, он имел в виду марксистскую концепцию социализма, господствовавшую в Европе в начале 1920-х годов. Таким образом, необходимо сделать остановку с тем, чтобы изложить идеи того времени на этот важный предмет.

Для начала следует поставить вопрос, было ли у Карла Маркса ясное представление о том, как должна работать на

³⁴ Ludwig von Mises, *Socialism*, 121 [Мизес. Социализм. С. 94].

практике проповедуемая им социалистическая система. Это важно по двум причинам: во-первых, потому что Мизес неоднократно обвинял Маркса и его последователей в том, что они пытаются обеспечить себе иммунитет по отношению к любому критическому анализу социалистической системы посредством простого утверждения, что такой анализ является утопическим и бессмысленным, так как социализм неотвратимо вытекает из развития капитализма; во-вторых, потому что сам Маркс понимал, что в рамках его теории тщательные и подробные рассуждения о конкретных аспектах будущего социализма «ненаучны». Несмотря на это, а также на то, что марксистским подходом явно и систематически злоупотребляли ради того, чтобы избежать теоретического обсуждения шансов на нормальное функционирование социализма, мы полагаем, что возможно отделить критический анализ капитализма, составляющий ядро марксистского мировоззрения, от анализа, пусть в зачаточной и имплицитной форме, того, как социализм должен функционировать на практике³⁵. По нашему мнению, Маркс был настолько одержим рикардианской моделью приспособления и равновесия, что вся его теория направлена на то, чтобы оправдать *нормативное* равновесие в том смысле, что, согласно Марксу, пролетариат должен силой навязать сверху «координацию», уничтожающую типичные особенности капитализма. Что касается настоящего, подробного анализа экономической реальности, то следует подчеркнуть, что Маркса волнуют нарушения равновесия и согласованности, возникающие на рынке, и тем самым марксистская теория является по большому счету теорией неравновесия. Парадоксальным образом, в отдельных, очень любопытных моментах ее позиции иногда совпадают с анализом рыночных процессов австрийскими экономистами вообще, и Мизесом и Хайеком, в частности.

Следовательно, Маркс, как это ни забавно, в определенной мере понимал, что рынок, представляя собой стихий-

---

³⁵ В основном мы согласны с Доном Лавоем, чья глава о марксистском социализме представляет собой одну из лучших частей его книги: Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, chap. 2, pp. 28—47. См. также: N. Scott Arnold, *Marx's Radical Critique of Capitalist Society: A Reconstruction and Critical Evaluation* (Oxford: Oxford University Press, 1990).

ный и безличный процесс, действует как процесс, создающий и передающий информацию, которая обеспечивает координацию в обществе. Действительно, в *Grundrisse* мы читаем: «Говорили и, возможно, еще говорят, что красота и величие покоятся именно на этой *стихийной*, независимой от знания и воли индивидов связи, предполагающей как раз их взаимную независимость и безразличие по отношению друг к другу, на материальном и *духовном* обмене веществ. И, несомненно, эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения»³⁶ (курсив мой. — У. де С.). Кроме того, Маркс явно признает и ту роль, которую играют *институты* в предоставлении людям возможности приобретать практическую информацию и передавать ее на рынке, и значение институтов для знания, которым располагают экономические субъекты: «Одновременно с развитием этого отчуждения и на его собственной основе делаются попытки преодолеть его: [возникают *институты*,] при помощи которых каждое отдельное лицо получает *сведения* о деятельности всех остальных и старается приспособить к ней свою собственную деятельность. ...хотя спрос и предложение каждого человека выступают независимо от всех остальных, все же каждый старается осведомляться относительно состояния всеобщего спроса и предложения, а эта осведомленность затем в свою очередь оказывает на них практическое влияние»³⁷.

Маркс осуждает рынок именно потому, что противопоставляет его «идеальной» экономической системе, в которой индивиды имеют возможность подчинить все свои социальные связи принудительному, централизованному и совместному органу управления, который, как предполагается, сделает так, чтобы весь социальный процесс стал результатом сознательной и намеренной организации, в то время как на рынке этот процесс безличен, никем не контролируется и не является резуль-

³⁶ Karl Marx, *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy* (New York: Random House, 1973), 161. [Маркс К. Экономические рукописи 1857—1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 105.]

³⁷ *Ibid.* [Там же. 104.]

татом чьих-либо сознательных намерений, а следовательно, ведет к «отчуждению». Кроме того, такое организованное управление всем обществом зависит от подробного плана, сформулированного априори, позволяющего властям организовать жизнь всего общества, подобно тому, как архитектор чертит детальные планы здания до того, как начать строительство: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»³⁸. Итак, марксова критика капитализма и защита им социалистической системы, которая, по его утверждению, неизбежно придет на смену капитализму, основаны исключительно на противопоставлении «анархического» производства, характерного для стихийного рыночного порядка, и «совершенной организации», которая якобы должна возникнуть в результате централизованного планирования.

Очевидно, что *главная ошибка* Маркса связана и с тем, что он путает практическую и научную информацию, и с его верой в то, что практическая информация объективна и может быть «усвоена» центральным плановым органом. Маркс пренебрегает субъективным, эксклюзивным, рассеянным, неявным и невербализуемым характером практической информации, о чем мы подробно говорили в главе 2, и не понимает, что с точки зрения логики, централизованная координация социальной рассогласованности не просто невозможна, но что, кроме того, новая информация может непрерывно развиваться и созда-

---

³⁸ Karl Marx, *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, *The Process of Capitalist Production* (New York: International Publishers, 1967), 178 [Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189]. В других своих работах Маркс еще более ясно высказывается в защиту централизованного планирования как единственного способа организации экономической активности: «...объединенные кооперативные товарищества организуют национальное производство *по общему плану*, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве» (p. 213 of “The Civil War in France: Address of the General Council,” in *The First International and After: Political Writings*, ed. D. Fernbach (New York: Random House), 3: 187–268 [Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 347]).

ваться только в ходе капиталистического предпринимательского процесса, который нельзя воспроизвести принудительно и централизовать. Иными словами, новые технологии, товары, способы их распространения и вообще новая предпринимательская информация могут, с точки зрения логики, возникнуть исключительно из стихийного рыночного процесса, движимого энергией предпринимательства, который Маркс так жестко критиковал. Парадоксальным образом, *с точки зрения самого Маркса, марксистский социализм — это утопический социализм*, потому что правильное понимание логической природы информации, которую создает и использует рынок, неизбежно приводит к заключению, что действующие на рынке силы технологического и экономического развития делают невозможным движение рынка к общественному порядку, основанному на централизованной и принудительной организации всей практической информации.

Именно в этом состоит фундаментальное заблуждение Маркса, а остальные его экономические и социальные ошибки можно рассматривать просто как частные следствия этой исходной радикальной ошибки. Например, трудовая теория ценности это просто естественный результат его веры в то, что информация и знание объективны и в безошибочном виде доступны внешнему наблюдателю. Мы же знаем, что ценность это просто субъективная, рассеянная и невербализованная идея, или «бит» информации; иными словами, ее оценивает или проецирует на вещи и экономические средства человеческий ум, и чем полезнее, с субъективной точки зрения действующего человека, для него эти средства в процессе достижения его целей, тем с большей психологической интенсивностью он будет воспринимать их ценность.

Ошибочный подход Маркса к теории ценности также лишает оснований всю его теорию прибавочной ценности и эксплуатации. Дело не только в том, что Маркс эгоистично проигнорировал те экономические средства, которые не являются товарно-материальными ценностями, и, соответственно, не включил труд в процесс их создания; дело также в том, что, как блестяще показал Бём-Баверк³⁹, марксистский анализ

---

³⁹ Итак, главные аргументы против объективной трудовой теории ценности и сопутствующей ей марксистской теории эксплуата-

ции таковы: *во-первых*, не все экономические блага являются продуктом труда. *Природные ресурсы* редки и полезны для достижения человеческих целей, и, следовательно, являются экономическими благами, хотя и не содержат человеческого труда. Кроме того, два блага, которые содержат одинаковое количество труда, могут, что совершенно очевидно, иметь разную ценность, если на их производство требуется различное *время*. *Во-вторых*, ценность благ *субъективна*; как мы объяснили в главе 2, ценность это просто оценка, которую делает действующий человек; он проецирует на средства свою оценку их важности для достижения конкретной цели. Следовательно, блага, содержащие большое количество труда, могут стоить очень мало или даже ничего не стоить, если позже действующий человек понимает, что они бесполезны для достижения цели. *В-третьих*, теоретики трудовой ценности находятся в зависимости от неразрешимого противоречия и *порочного круга*: идея, что труд определяет ценность экономических благ и что ценность труда в свою очередь определяется ценностью экономических благ, необходимых для его воспроизводства и поддержания производительных способностей рабочего, представляет собой порочный круг; конечный фактор, определяющий ценность, остается незазванным. Наконец, *в-четвертых*, защитники теории эксплуатации вопиющим образом пренебрегают законом *временного предпочтения* и, соответственно, значением того, что при прочих равных условиях ныне существующие блага всегда ценнее, чем будущие блага. Вследствие этой ошибки они ожидают, что рабочие будут получать заработную плату, превышающую ценность произведенного ими: защитники этой теории утверждают, что после того, как рабочий выполнил свою работу, ему должны заплатить, исходя из всей ценности того блага, которое будет полностью произведено только в конце периода времени неопределенной длины. Все перечисленные нами критические возражения против марксистской теории ценности подробно изложены в классической работе Бём-Баверка: Eugen von Böhm-Bawerk, "The Exploitation Theory" in *Capital and Interest* (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1959), vol. 1, chap. 12, pp. 241—321 [Бэмь-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб.: 1909. Гл. XII. С. 402—518]. Это английский перевод первого тома главного труда Бём-Баверка, *Capital und Kapitalzins*, который имел подзаголовок "Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien" и вышел в четырех изданиях (1884, 1900, 1914, и 1921). Кроме того, Бём-Баверк посвятил отдельную статью тем логическим несоответствиям и противоречиям, в которых увяз Маркс, когда попытался в 3 томе «Капитала» исправить ошибки и несты-

демонстрирует полнейшее незнакомство с ролью временного предпочтения и отсутствие осознания того, что любая человеческая деятельность вообще, и любой производственный процесс, в частности, протекает во времени. Итак, Маркс ожидает, что рабочим оплатят не ценность произведенного ими, а значительно больше, потому что он требует, чтобы им оплатили всю ценность их вклада в процесс производства, размер которого оценивается не тогда, когда производится данный конкретный вклад, а проецируется на более позднее время, когда процесс производства уже завершился. Кроме того, марксов анализ прибавочной ценности неизбежно превращается в ничего не объясняющий порочный круг. Действительно, якобы объективная ценность труда устанавливается на основании издержек по его воспроизводству, измеряемому в ценности благ, необходимых для этого, чья ценность в свою очередь определяется трудом, заключенным в этих благах, и т.д., и т.п. — бесконечный бег по кругу, который ничего не проясняет.

ковки в собственной теории эксплуатации, сформулированной в 1-м томе. Статья называется “Zum Abschluss des Marxschen Systems,” pp. 85—205 of *Staatwissenschaftliche Arbeiten-Festgaben für Karl Kries zur Fünfundsiebzigsten Wiederkehr* (Berlin: Haering, 1896). Мы использовали английский перевод под названием “The Unresolved Contradiction in the Marxian Economic System,” chap. 4 of *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk* (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1962), 1: 201—302 [Маркс К. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002. С. 3—135]. В марксистском лагере только Рудольф Гильфердинг (1877—1941) пытался, хотя и безуспешно, возразить Бём-Баверку в статье: Rudolph Hilferding, “Böhm-Bawerk’s Marx Kritik,” опубликованной в 1-м томе *Marx-Studien* (Vienna: I. Brand, 1904). По поводу этой статьи Гильфердинга Бём-Баверк писал: «В ней нет ничего такого, что хоть как-то могло бы изменить мое мнение». См.: *Capital and Interest*, vol. 1, p. 472 [См.: Бэмъ-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб.: 1909]. Действительно, даже Отто Бауэр, теоретик социализма, так же как и Гильфердинг с Мизесом, участвовавший в семинаре Бём-Баверка, прямо сказал Мизесу, что Гильфердинг даже не понял сути возражений Бём-Баверка против теории Маркса. См.: Mises, *Notes and Recollections*, 40.

Маркс верил в то, что в идеальном социалистическом государстве общество будет организовано как «огромная фабрика», чья деятельность целиком планируется сверху «рациональным» способом. Он считал, что это единственный способ избежать колоссальной неэффективности и столь же огромной избыточности, типичных для капиталистической системы, и что в первую очередь это позволит уничтожить вообще все рыночные отношения и денежное обращение (если понимать деньги как средство обмена), в частности. Поэтому Маркс делает специальную оговорку: «При общественном производстве *денежный капитал отпадает*. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. *Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения*»⁴⁰. В другом месте Маркс писал об этих удостоверениях, что они «имеют с “деньгами” так же мало общего, как, скажем, театральный билет»⁴¹. Ученики Маркса усвоили это представление в нетронutom виде, и Фридрих Энгельс популярно разъясняет его в «Анти-Дюринге»: «Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. ...общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать нелепым и бессмысленным образом, говоря, что это сукно обладает *стоимостью* в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для

---

⁴⁰ Karl Marx, *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 2, *The Process of Circulation of Capital* (New York: International Publishers, 1967), 358 [Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 402].

⁴¹ Karl Marx, *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, *The Process of Capitalist Production*, 94 [Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 100].

производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. *Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной “стоимости”*»⁴². Таким образом, нам следует рассматривать особое внимание, которое Мизес уделял в 1920 г. необходимости для экономического расчета денег и денежных цен, в контексте этих работ Маркса⁴³. Мы подробнее рассмотрим этот вопрос, а также некоторые другие, в следующем разделе.

---

⁴² Friedrich Engels, *Anti-Dühring: Herr Eugen Dühring's Revolution in Science*, trans. Emile Burns (Moscow: Progress Publishers, 1947) [Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 321].

⁴³ Кроме того, Маркс считал интервенционистский и синдикалистский варианты социализма «утопией». Его мнение об интервенционизме объяснялось тем, что его защитники стремились сохранить анархический характер рыночного производства, корректируя его с помощью отдельных приказов правительства, направленных на достижение социалистических целей. В этом отношении Маркс был полностью согласен с возражениями против интервенционизма классической школы экономической теории, и ему казалось, что социальное и трудовое законодательство никогда не достигнут поставленных перед ними целей, ибо это не более вероятно, чем возможность отмены закона притяжения. Соответственно, официальные распоряжения не приведут к существенному повышению ставок заработной платы, даже если предположить, что государство или бюрократия действительно искренне хотят их повысить. Маркс считал синдикалистов утопистами из-за их неспособности объяснить, как разные независимые отрасли и компании, находящиеся под контролем рабочих, смогут рационально координировать свои действия в интересах всего общества. Однако, как мы показали, Маркс не понимал того, что с точки зрения его собственной теории предельный им вариант социализма также *утопичен*, поскольку информация, необходимая для экономического, технологического и социального развития, не может возникнуть в рамках принудительного централизованного планирования.

4. Дополнительные замечания о концепции Мизеса

Опровержение Маркса Мизесом

Очень важно иметь в виду, что мизесово доказательство того, что социализм логически невозможен, это не только теоретическое рассуждение о шансах социализма в будущем, но и *полномасштабная прицельная атака на центральное звено в теории Карла Маркса*. Собственно, Мизес полностью согласен с Марксом, что в состоянии равновесия нет необходимости в деньгах или в средстве обмена, если предположить, что вся информация объективна и доступна центральному регулируемому органу. Поэтому Мизес прямо пишет: «...деньги необходимо являются “динамическим фактором”; в “статичной” системе места деньгам не остается»⁴⁴. Однако, как мы видели,

---

⁴⁴ Ludwig von Mises, *Human Action*, 249 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 236]. Кроме того, Мизес полностью согласен с Марксом по поводу того, что «деньги», использующиеся в состоянии равновесия, это совсем не деньги. Он не утверждает, как Маркс, что это будут удостоверения, подобные театральным билетам, однако пишет: «...это вообще не деньги; это просто *numéraire*, бесплотная и неопределенная единица учета весьма смутного и неопределимого характера, который воображение ряда экономистов и заблуждения многих обывателей ошибочно приписывают деньгам» [Мизес. Человеческая деятельность. С. 235]. В другом месте «Человеческой деятельности» (р. 417 [с. 390]) Мизес добавляет: «В идеальной конструкции, отличительной чертой которой является неизменность и жесткость условий, невозможно присвоить никакой функции ковенному обмену, средствам обмена и деньгам. Там, где нет неопределенности будущего, нет необходимости в каких бы то ни было остатках наличности. Когда деньги обязательно должны храниться людьми в виде остатков наличности, не может быть никаких денег. Использование средств обмена и поддержание остатков наличности обусловлено изменчивостью экономической информации. Деньги сами являются элементом изменчивости экономической информации. Их существование несовместимо с представлением о размеренном течении событий в равномерно функционирующей экономике». По нашему мнению, лучший анализ различий концепции денег в рыночной экономике и в социалистической системе можно найти в книге Trygve J. B. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society* (Indianapolis: Liberty Press, 1981),

ключевой довод Мизеса не связан с моделью равновесия, столь же гипотетической, сколь и невозможной, с моделью, в которой никогда не происходит изменений и все случаи социальной рассогласованности исчезли, потому что они подверглись принудительному согласованию сверху, центральным плановым органом, владеющим всей необходимой информацией. Напротив, в таких обстоятельствах, которые не могут существовать в реальности, Мизес вообще не видит никакой проблемы с экономическим расчетом. Фундаментальное значение работ Мизеса состояло как раз в том, что он доказал теоретическую невозможность того, чтобы центральный плановый орган принудительно координировал жизнь общества. В этом смысле открытие Мизеса не только показывает логическую невозможность социализма, но и представляет собой окончательное теоретическое опровержение доктрины Маркса.

Несомненно, только такой человек, как Мизес, обладавший глубоким и фундаментальным знанием того, что происходит на рынке в реальной жизни, мог понять, что вне рынка экономический расчет и социальная координация невозможны. Однако важно отметить, что когда Мизес говорит о «рыночной цене» и «конкуренции», отсутствие которых как раз и делает невозможным экономические расчеты вне рынка, он имеет в виду совсем не то, что имеют в виду неоклассические теоретики равновесия, когда говорят о «цене» и «конкуренции». Для Мизеса *цена* — это любое историческое условие торговли, которое неизбежно возникает в конкурентном процессе, движимом энергией предпринимательства; она не является простым *параметром*, указывающим на условия,

---

chap. 6, “Money and the Formation of Prices of Consumer Goods in a Socialist Society with Free Choice of Goods and Occupation,” esp. pp. 101–115. Хофф очень четко проводит мысль о том, что хотя термин «деньги» употребляется и в рыночной экономике, и в социалистических экономиках, на практике это слово обозначает два радикально отличных друг от друга понятия, не только потому, что в социалистических режимах деньги используются исключительно в качестве параметров (это означает, что они выполняют ретроспективную функцию или функцию коррекции, а не рыночную функцию в смысле создания и введения в оборот новой информации), но и потому, что в социалистической системе продаются только потребительские товары, а единственным магазином владеет государство.

на которых должен предлагаться каждый из вариантов относительно остальных. Еще существеннее то, что термин *конкуренция* означает для Мизеса нечто почти противоположное тому значению, которое приписывает этому слову неоклассическая школа. В то время как так называемая «модель совершенной конкуренции» отсылает к некоторому состоянию равновесия, когда все участники пассивно ограничиваются продажей одного и того же продукта по данной цене, для Мизеса *конкуренция* означает динамический процесс соперничества между предпринимателями, которые занимаются не тем, что продают по данной цене, а тем, что постоянно принимают решения, предпринимают новые действия и осуществляют новые обмены, что приводит к возникновению новой информации, постоянно материализующейся в виде *новых рыночных цен*.

Ниже, в главе, посвященной Оскару Ланге, мы гораздо подробнее рассмотрим разницу в представлениях Мизеса и неоклассиков о цене и конкуренции. Пока мы хотим подчеркнуть, что Мизес в своей статье 1920 г. сосредоточился на критике того представления о централизованном планировании, которое имплицитно содержалось в процитированных нами выше работах Маркса. Поскольку Маркс оспаривал необходимость денежных цен, то совершенно естественно, что Мизес специально подчеркивал, что для экономического расчета и цены, и деньги необходимы. Позже участвовавшие в споре социалисты признали, что деньги и цены (хотя они и воспринимали цены исключительно как параметры) незаменимы при экономических расчетах. Только тогда Хайек довел до логического завершения тезис (первоначально высказанный его учителем Мизесом) о том, что экономический расчет требует настоящих рыночных цен, а не просто параметрических цен и что, соответственно, ни предпринимательство, ни коррекция и координация, которых требует общество, невозможны без по-настоящему конкурентных рынков и частной собственности на факторы производства. Однако не следует забывать, что, как мы уже продемонстрировали, все ключевые элементы этого фундаментального тезиса о роли практической информации, то есть знания, рассеянного по рынку, который позже был развит и усовершенствован Хайеком и самим Мизесом, в эмбриональной форме уже содержались в первоначальной статье Мизеса 1920 г.

Денежный расчет прибылей и убытков

В разделе 2 своей статьи 1920 г., «Природа экономического расчета», Мизес выделяет три различных типа ценностных суждений, которые может сделать действующий человек или предприниматель: первичные оценки, оценки потребительских благ и оценки средств производства. В то время как первичные оценки и оценки потребительских благ человек совершает *непосредственно*, то есть с помощью натурального расчета, для которого от каждого человека требуется просто сравнить на собственной субъективной шкале ценностей разные цели и необходимые для их достижения предметы потребления, то оценка производственных факторов — гораздо более сложный процесс. Это особенно верно для современной производственной структуры, состоящей из необыкновенно разветвленной сети различных производственных этапов, которые переплетены друг с другом чрезвычайно сложным образом и требуют совершенно разного времени. Соответственно, как справедливо замечает Мизес, «ум отдельно взятого человека слишком слаб, чтобы постичь значение любого из бесчисленных благ высшего порядка»⁴⁵. Действительно, решения, относящиеся к факторам производства, настолько сложны, что требуют суждений, которые становятся возможны только тогда, когда человек обладает информацией, содержащейся в *денежных* ценах, возникающих из самого рыночного процесса. Только таким образом, посредством предпринимательства, могут быть устранены случаи рассогласованности в структуре производства; только так может возникнуть установка на координацию, которая делает возможной жизнь в обществе.

Ядро этого процесса состоит как раз в оценках *прибылей и убытков*, которыми постоянно занимаются предприниматели, когда они действуют на рынке факторов производства. Действительно, всегда, когда предприниматели обнаруживают прибыльную возможность, они используют ее, приобретая факторы производства по рыночной цене, то есть несут денежные издержки, которые, по их оценке, должны быть ниже цены продажи, которую они получают за потребительские блага после того, как произведут их. Убыток означает, что действуя,

⁴⁵ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 102.

предприниматель совершил ошибку и потратил редкие ресурсы на производство каких-то потребительских благ и услуг в то время, как были либо важнее, либо срочно требовались другие блага и услуги (те, которые генерируют прибыль, а не убыток). Логически, когда предприниматели покупают или продают факторы производства, их «действия» состоят не в том, что они просто приспособляются к неким химерическим параметрическим «ценам» — они непрерывно и весьма активно занимаются формированием истинных *рыночных цен*, куда они бессознательно включают ту информацию, которую постоянно генерируют или открывают. Отсутствие денег, частной собственности и свободы предпринимательства препятствует непрерывному созданию, поиску и передаче этой информации и, следовательно, формированию рыночных цен, представляющих собой ключевое сырье для экономического расчета, который делает возможным существование в обществе координации.

Достаточность экономического расчета на практике

Мизес перечислил три преимущества экономического расчета в том виде, в каком он происходит в реальной рыночной экономике. Во-первых, экономический расчет позволяет учитывать оценки экономических субъектов, участвующих в социальном процессе. Во-вторых, экономический расчет дает предпринимателям ориентиры, в том смысле, что он указывает на типы производства, которыми они должны или не должны заниматься, основываясь на индикаторах, или «знаках», представленных оценками прибылей и убытков, которые постоянно делают предприниматели. В-третьих, экономический расчет позволяет свести многие оценки, связанные с деятельностью, к общему знаменателю — денежным единицам.

Мизес откровенно признает, что в рыночной экономике экономический расчет и деньги функционируют неидеально. На деньгах, которые являются средством обмена, отражаются постоянные, непредсказуемые и разнородные изменения в покупательной способности. Что касается экономического расчета, то достаточное количество благ и услуг не продаются и не покупаются на рынке, в основном потому, что они

представляют собой *res extra commercium* (вещи вне торговли) и, соответственно, их нельзя оценить в денежных ценах. (На самом деле все доказательство Мизеса основано на анализе последствий того, что неизбежно произойдет в случае, если все капитальные блага станут *res extra commercium*.) Кроме того, внешняя точность (финансового и управленческого) учета обманчива, так как цифры в отчетности скрывают, что они основаны на субъективных суждениях строго предпринимательского характера о том, в каком направлении будут развиваться события. В качестве примера Мизес приводит расчет норм амортизации, который, будучи отражением амортизации в бухгалтерии, всегда связан с приблизительным предпринимательским суждением относительно рыночной цены замены производственного фактора, когда в будущем он физически изнашивается или технологически устаревает.

Однако, несмотря на все свои несовершенства и недостатки, экономический расчет является единственным социальным ориентиром, позволяющим обнаружить возникающие в обществе нарушения координации. Это происходит потому, что он направляет действия людей на поиск и координацию этих нарушений и тем самым делает жизнь в обществе возможной. С учетом особенностей практической, рассеянной информации (знания), изложенных нами в главе 2, рыночный экономический расчет нельзя заменить ничем, и, хотя он всегда основан на субъективных оценках и на информации, выраженной в рыночных ценах, которых не существует в состоянии равновесия, он по крайней мере позволяет предпринимателям *исключить из рассмотрения бесчисленные возможности, варианты и проекты, которые были бы возможны технологически, но неоправданы экономически*. Иными словами, экономический расчет ограничивает возможности, рассматриваемые предпринимателями, очень небольшим количеством вариантов, которые априори представляются потенциально прибыльными; тем самым он радикально упрощает процесс принятия решений действующим субъектом. Итак, Мизес делает следующий вывод: «Действительно, у денежных расчетов есть свои неудобства и серьезные недостатки, но у нас определенно нет ничего лучше, и для практических жизненных целей денежного расчета в том

виде, в каком он существует при стабильной денежной системе, всегда хватает»⁴⁶.

*Расчет как фундаментальная экономическая
(а не техническая) задача*

Мизес считает, что установление социалистического режима подразумевает уничтожение рациональной экономической науки, поскольку при социалистическом режиме настоящие цены и деньги не могут существовать в том смысле, в каком они существуют в реальной рыночной экономике. В контексте изложенного нами выше первоначального марксистского плана, согласно которому цены и деньги будут отменены, ясно, что экономический расчет при этом исчезает целиком и полностью. Действительно, Мизес посвящает значительную часть своей статьи критике этого плана. Ниже мы увидим, что ситуация почти совсем не меняется, если социалисты, в качестве второй линии обороны, соглашаются на некие параметрические «цены», которые устанавливаются регулирующим органом, и на некие «денежные единицы», больше всего похожие на счетные единицы. В этом случае по-прежнему сохраняется невозможность создания и передачи новой практической информации в среде, где запрещено свободное предпринимательство. Систематическое использование институционального принуждения препятствует появлению и распространению этой информации, и, соответственно, она не может ни сконцентрироваться «в уме» руководящего органа, ни использоваться им.

Таким образом, социализм ставит не техническую или технологическую задачу; это не просто задача осуществления максимизации в условиях данных целей и средств, а также наличия остальной необходимой информации. Нет, задача, которую ставит социализм, чисто *экономическая*: она возникает тогда, когда имеется множество конкурирующих целей и средств, когда информация о них рассеяна в умах бесчисленного множества людей и непрерывно порождается их пово, и когда, соответственно, невозможно даже

---

⁴⁶ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in *Collectivist Economic Planning*, 109.

*узнать обо всех существующих возможностях и вариантах, а также о том, желание какой степени интенсивности связано с каждым из этих вариантов*⁴⁷. Когда инженер приступает к задаче максимизации, он всегда предполагает, что на рынке есть какие-то варианты и какие-то равновесные цены, и что и те, и другие известны. Однако, экономическая задача сильно отличается от задачи максимизации; она состо-

⁴⁷ Наше понимание термина «экономический», таким образом, не совпадает с более широко распространенным взглядом, которого, вслед за Роббинсом, придерживаются теоретики равновесия, считающие, что «экономическая задача» состоит в размещении редких, но известных ресурсов в соответствии с заданными целями. С нашей точки зрения, такое понимание «экономической теории» убого и не представляет особого научного интереса; оно сводит нашу науку к примитивному, ограниченному и краткосрочному сочетанию приемов максимизации. В то же время совершенно не удивительно, что легионы псевдоэкономистов, а на самом деле — простых технарей-максимизаторов, неспособны с помощью убогих инструментов своего ремесла осознать теоретические факторы, которые делают социализм невозможным. Развитие нашей науки будет сталкиваться с препятствиями до тех пор, пока те, кто ей занимается, не признают радикального различия между наукой и техникой в сфере экономики, и пока они не перестанут выдавать за научные достижения свои успехи в гораздо более уютной, доступной и надежной (вопреки видимости) сфере техники; эти достижения не имеют значения с точки зрения науки, так как их можно применять только тогда, когда действительно важные научные проблемы, связанные с поиском и порождением необходимой информации, считаются решенными. Наконец, следует добавить, что, поскольку экономическую задачу можно решить только стихийно и децентрализованно в процессе свободного человеческого взаимодействия или предпринимательства, мы рассматриваем экономическую теорию как общую науку о человеческой деятельности и ее последствиях (то есть как праксеологию), сырьем для которой являются не объективные вещи (блага, услуги и т.п.), а субъективные единицы духовной природы (мысли, оценки, информация). Свойственное австрийской школе понимание экономической теории как науки, не ограничивающейся максимизацией (в статичных математических единицах), восходит непосредственно к Менгеру. Действительно, Эндрес даже говорит о «менгеровском принципе нематематизации». См.: A. M. Endres, "Menger, Wieser, Böhm-Bawerk, and the Analysis of Economic Behaviour" in *History of Political Economy* 23, no. 2 (summer 1991): 279–299, esp. p. 281, note 5.

ит как раз в том, чтобы понять, какие цели, средства, а также будущие цены рынка являются возможными. Это значит, что *вопрос в том, как получить информацию, необходимую для решения технической задачи*. Экономический расчет — это приблизительное суждение, которое делает возможным информация, постоянно порождаемая предпринимательским процессом; в случае, если этому процессу насильственно препятствуют, информация не возникает и возможность экономического расчета исчезает.

Укрупнение предприятий и экономический расчет

Доказательство Мизеса можно также использовать для анализа теоретического предела роста любого «бизнеса» в рыночной экономике. Действительно, компанию, или «фирму», можно рассматривать просто как *добровольный «остров планирования»* или «организованный остров» внутри рынка, стихийно возникающий в результате того, что его учредители в процессе предпринимательства обнаруживают, что при данных обстоятельствах такая система больше всего подходит для достижения их целей. В каждой фирме имеется по крайней мере некий минимум организации и планирования, и с помощью каждой фирмы конкретные экономические, человеческие и материальные ресурсы организуются согласно плану и приказам менеджмента. В контексте исходного доказательства Мизеса понятно, что размер компании неизбежно ограничивает возможность эффективной организации внутри нее: всегда будет существовать некий критический уровень, после достижения которого объем информации, необходимой менеджменту, чтобы управлять компанией, станет настолько огромен, а сама эта информация — настолько сложноорганизованной, что способности менеджеров к ее усвоению и интерпретации будут превышены, и, соответственно, дальнейший рост компании будет в основном избыточным и безрезультатным.

В терминах экономического расчета это можно выразить так: в любой фирме *вертикальную интеграцию* будет ограничивать тот факт, что после того как все этапы производства соединяются в одном предпринимательском производственном процессе, обмена, связанные с одним или несколькими

из них, могут исчезнуть с рынка, и, таким образом, рыночные цены на некоторые капитальные блага больше не будут возникать. Начиная с этого момента, внутри фирмы исчезнет возможность совершать вертикальные трансферты, ориентируясь на экономические расчеты, а следовательно, возникнет тенденция к систематическим ошибкам и неэффективным решениям, которая рано или поздно подтолкнет предпринимателя к мысли, что он должен децентрализовать и «вертикально дезинтегрировать» свою компанию, если не желает поставить под удар ее конкурентоспособность⁴⁸. Это означает, что на свободном рынке никогда не будет возможно полностью осуществить вертикальную интеграцию по отношению к этапам какого-либо производственного процесса, поскольку это помешало бы необходимым экономическим расчетам. Следовательно, на рынке действует экономический закон, ограничивающий максимальный относительный размер каждой компании⁴⁹.

⁴⁸ Как верно замечает Мюррей Ротбард, «если бы для какого-то продукта не было бы рынка и все связанные с ним обмены были бы внутренними, ни фирма, ни кто-либо еще не могли бы определить его цену. Фирма может оценить имплицитную цену, если существует внешний рынок, но если рынок отсутствует, то у блага не может быть цены, ни эксплицитной, ни имплицитной. Любая цифра в этом случае — это не более чем произвольный символ. Соответственно, если фирма не может рассчитать цены, она не в состоянии рационально распределить факторы и ресурсы между [производственными] этапами» (Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State: A Treatise on Economic Principles* [Los Angeles: Nash Publishing, 1970], 2: 547–548).

⁴⁹ Это мнение уже в 1934 г. отстаивал Фриц Махлуп (Fritz Machlup). Он писал: «Всегда, когда фирма (или концерн) поставляет продукцию одного из подразделений другому подразделению в качестве сырья, а не продает ее на конкурентном рынке по цене, установленной спросом и предложением, возникает проблема искусственных трансфертных цен, или путаницы в цифрах издержек и запасов. В этой ситуации расчеты еще могут производиться, но они не будут соответствовать экономическим принципам того, что Мизес назвал “экономическим расчетом”» (Fritz Machlup, “Closing Remarks” in *The Economics of Ludwig von Mises: Toward a Critical Reappraisal*, ed. Laurence S. Moss (Kansas City: Sheed and Ward, 1976), особенно библиографию на с. 116. Ф. А. Хайек также пришел к очень похожему выводу в другом контексте: «Невозможно заставить монополиста брать с потребителей цену, ко-

На самом деле, по мере того как разделение знания становится масштабнее, глубже и подробнее, и в результате этого растет сложность социальных и экономических процессов, компании становятся все трудней вертикально интегрироваться и расширяться, потому что ее менеджмент должен интерпретировать и использовать возрастающие объемы все усложняющейся информации. Одним из самых ярких и типичных последствий неудачно названной «технологической революции», которая представляет собой просто характерный для современных рыночных экономик процесс расширяющегося и углубляющегося разделения знания, было сокращение тенденции роста, при прочих равных условиях, так называемой «экономии на масштабе». Становится все очевиднее, что часто бывает выгоднее инвестировать в разные компании по отдельности, а не создавать для этого холдинговые компании или конгломераты, а многие крупные фирмы обнаруживают, что единственный способ выдержать конкуренцию с небольшими фирмами — это поощрение и стимулирование предпринимательской инициативы внутри фирмы (intrapreneurship, внутринимательство)⁵⁰. В действительности мощности небольшого

торая соответствовала бы цене в ситуации конкуренции, или цену, равную необходимым издержкам, потому что конкурентные или необходимые издержки не могут быть известны, если нет конкуренции. Это не означает, что менеджер монополизированной отрасли при социализме будет, невзирая на распоряжения сверху, продолжать получать монопольные прибыли. Однако это означает, что, поскольку нельзя проверить экономические преимущества одного метода производства в сравнении с другим, место монопольных прибылей займут потери от неэкономичного использования ресурсов» (F. A. Hayek, “Socialist Calculation II: The State of the Debate (1935),” chap. 8 of *Individualism and Economic Order* [Chicago: Gateway Editions, 1972], 170 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-фонд, 2000. С. 66 и 101]).

⁵⁰ Эти рассуждения подтверждаются и дополняются проведенным Рональдом Коузом аналитическим исследованием природы «фирмы» (то есть добровольной внутренней «организации») и факторов, определяющих ее размеры и развитие, по сравнению с альтернативной системой, представленной внешними взаимосвязями, которые Коуз ошибочно описывает как связи, основанные на использовании рынка и системы цен. Коуз пишет: «Легко заме-

титель, что когда государство берет на себя управление какой-либо отраслью, оно, начиная ее планирование, берет на себя и роль, прежде выполнявшуюся механизмом цен. Обычно не осознают, что любой бизнесмен, организуя взаимоотношения между подчиненными ему подразделениями, также делает и нечто, что могло бы быть доверено механизму цен... Важное различие... В том, что отрасли навязывают планирование, а фирмы возникают добровольно, потому что они представляют более эффективный метод организации производства. В конкурентной системе существует «оптимальный» объем планирования!» (Ronald H. Coase «The Nature of the Firm» in *The Firm, the Market and the Law* [Chicago: University of Chicago Press, 1988], p. 37, note 14 [Коуз Р. Природа фирмы // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 36, сн. 14]). См. также: *The Nature of the Firm: Origins, Evolution and Development*, eds Oliver E. Williamson and Sidney G. Winter (Oxford: Oxford University Press, 1991), 30—31. Таким образом, тезис Мизеса дополняет утверждение Коуза, в том смысле, что с того момента, как рынок для некоторых факторов производства начинает исчезать, у предпринимательской организации не только будут уменьшаться прибыли и расти убытки, но и появляются чрезмерно высокие издержки. Следовательно, рыночные процессы снабжены внутренней защитой от потенциального уничтожения путем добровольной вертикальной интеграции, и эта защита состоит в том, что каждому предпринимателю жизненно необходимо планировать свою деятельность с помощью экономического расчета. Однако, несмотря на то что, по нашему мнению, отдельные элементы анализа, сделанного Коузом, очень важны, представляется, что ему не удалось преодолеть теоретическую границу и явным образом признать значение предпринимательства. Излагая свою теорию, Коуз демонстрирует странную одержимость «транзакционными издержками», что по умолчанию предполагает существование информации, необходимой, чтобы выделить и посчитать эти издержки. Однако фундаментальная экономическая проблема — это не проблема транзакционных издержек, это *предпринимательская* проблема, то есть вопрос поиска и создания необходимой информации с точки зрения новых целей и новых средств, необходимых для их достижения. Иными словами, теория Коуза продолжает оставаться статичной теорией, или теорией равновесия, которая подразумевает контекст предварительно заданных целей и средств и не учитывает, что проблеме «транзакционных издержек» предшествует куда более важный вопрос: понимает ли предприниматель, какие из планов действий больше всего подходят для его целей. Это означает, что если «транзакционные издержки» не замечать, то они могут отсутствовать, а то, что субъективно воспринимается в качестве

персонального компьютера оказалось достаточно, чтобы бесчисленные и часто крупные «добровольные плановые органы», которые до этого считались типичными и даже необходимыми для рынка, стали не нужны.

Этот довод демонстрирует также ошибочность теории Маркса, которая считает, что при капиталистической системе компании всегда стремятся к укрупнению: в типичном случае консолидация бизнеса не выходит за пределы, за которыми интеллект менеджеров перестает справляться с объемом требующейся им информации и знаний. Если фирма постоянно расширяется, то наступит время, когда она столкнется с возрастающими трудностями, потому что ее менеджеры будут вынуждены принимать решения «вслепую», не имея информации, необходимой для того, чтобы найти и оценить разные варианты производства или различные планы действий. Поведение менеджеров будет становиться все более произвольным и неумеренным, так как они будут вынуждены обходиться без помощи информации, выраженной в ценах рынка и предпринимательском поведении конкурентов. В силу этого централизованное планирование нельзя рассматривать как неизбежный итог эволюции капитализма: само существование рынка ограничивает возможности для централизации в отдельно взятой компании. Предел для централизации определяется как раз способностью менеджмента компании усваивать информацию, а также изменениями в социальном раз-

---

транзакционных издержек, в любой момент может перестать быть таковым или претерпеть резкие изменения вследствие предпринимательских инноваций или открытий. Тем самым проблема не в том, что информация дана, хотя и носит рассеянный характер и ее очень «трудно» добыть, а в том, что информация не дана, и в случае, если предпринимательский процесс идет успешно, новая практическая информация может непрерывно создаваться или обнаруживаться *без каких-либо издержек*: в динамических социальных процессах экономическую проблему представляют не «транзакционные издержки», а разница между потенциально возможным эффективным поведением фирм и их практическим неэффективным поведением (*x-inefficiency*) и истинные предпринимательские ошибки; и эту проблему можно решить только посредством творческого предпринимательского процесса в отсутствие принуждения.

делении знания, которое постепенно становится все более глубоким, сложным и децентрализованным⁵¹.

5. Первые предложения социалистов по поводу того, как решить проблему экономического расчета

Экономический расчет в натуральном выражении

Как мы видели в предыдущем разделе, представление о том, что социалистическую экономику можно организовать без использования денег, восходит к Карлу Марксу. Действительно, в состоянии равновесия или нирваны, которое, как полагает Маркс, руководящий орган способен и обязан принудительно установить, не было бы потребности в деньгах, поскольку предполагается, что вся информация дана и никаких изменений не бывает. В такой ситуации нужно было бы просто постоянно производить одни и те же товары и услуги и распределять их одним и тем же способом между одними и теми же индивидами. Эту идею от Маркса усвоил Энгельс, а от него — множество теоретиков, которые с разной степенью откровенности утверждают, что даже в отсутствие денег нет никакой причины для возникновения каких бы то ни было проблем с экономическим расчетом⁵².

---

⁵¹ На этом теоретическое опровержение Маркса завершается. Хронологически оно началось тем, что Бём-Баверк критически проанализировал марксистскую теорию прибавочной ценности, или эксплуатации, а также трудовую теорию ценности, продемонстрировав бессодержательность марксистской критики капитализма. Людвиг фон Мизес завершил его, нанеся окончательный удар по теориям Маркса своим доказательством теоретической невозможности существования альтернативной капитализму социалистической системы, так как она не допускает экономического расчета. Из этого доказательства мы можем также извлечь важное побочное следствие, а именно, вывод, что марксистская теория процесса укрупнения при капитализме неверна.

⁵² Среди тех, кто верил в возможность экономического расчета в обществе без денег, можно упомянуть Карла Баллода, Николая Бухарина, Отто Нейрата, Карла Ландауэра и Александра Чаянова. В общих чертах идея, которой они придерживаются, состоит в том, что общество должно будет определять потреб-

ности каждого гражданина с помощью «объективных» критериев, установленных специалистами (биологами, агрономами и т.п.). Затем соответствующее управление статистики или институт планирует количество потребительских благ (сапог, брюк, рубашек и т.п.), которые должны быть произведены в течение года. Позже эти потребительские блага будут таким же способом распределены между гражданами. Кроме работ Нейрата *Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft* (которую мы уже цитировали) и *Wirtschaftsplan und Naturalrechnung: von der sozialistischen Lebensordnung und von kommenden Menschen* (Berlin: Laub, 1925), основные работы авторов-социалистов, защищавших расчеты в натуральном выражении, следующие: Alexander Tschayanoff, “Zur Frage einer Theorie der Nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* no. 51 (1923): 577—613 [Чаянов А. В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 114—143]; N. I. Bukharin and E. Preobrazhensky, *The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Program of the Communist Party of Russia* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966) [Бухарин Н., Преображенский Е. Алфавит коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии (большевиков). Написана в октябре 1919 г. Став настольной книгой молодых членов партии, выдержала более 20 переизданий]; Karl Ballod, *Der Zukunftsstaat: Wirtschaftstechnisches Ideal und Volkswirtschaftliche Wirklichkeit*, 4 ed. (Berlin: Laub, 1927) [Баллод К. Взгляд в государство будущего. 1906; Баллод К. Государство будущего. М., 1920]; и, наконец, Carl Landauer, *Planwirtschaft und Verkehrswirtschaft* (Munich: Duncker & Humblot, 1931). Подробное изложение идей этих авторов см.: Trygve J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 50—80. Об экономисте Карле Баллоде и его влиянии на зарождение планирования в СССР см.: François Seurot, *Les Economies Socialistes* (Paris: Presses Universitaires de France, 1983), pp. 12—13. На русском языке между 1903 и 1906 гг. книга Баллода вышла шестью изданиями, и Кржижановский строго следовал изложенным в ней принципам, когда в 1920 г. Ленин поручил ему подготовить план электрификации (план ГОЭЛРО). О Карле Баллоде (1864—1933), который использовал псевдоним Атлантикус, от утопии Френсиса Бэкона 1627 г. «Новая Атлантида», см. полезную книгу: Juan Martinez-Alier, *Ecological Economics*, 199—205. Однако, в своих выводах Мартинес-Альер не учитывает сути предпринимательства, которой мы посвятили главы 1 и 2; он также игнорирует то, что особенный ущерб природным ресурсам наносится тогда, когда

Если не учитывать того, что центральный орган принуждения в принципе не в состоянии получить необходимую ему информацию, проблема с предложениями осуществлять экономический расчет *в натуральном выражении* состоит в том, что *невозможно производить расчеты (умножение и вычитание), используя разнородные величины*. Действительно, если орган власти решает отдать в обмен на какую-нибудь машину 40 свиней, 5 мешков муки, тонну масла и 200 яиц, откуда он может узнать, не отдает ли он больше, чем должен, с точки зрения собственных оценок? Иными словами: если бы регулирующий орган потратил эти ресурсы на иные виды деятельности, не мог ли бы он достичь целей, которые имели бы большую ценность даже для него самого? Вероятно, можно простить социалистическим теоретикам то, что они не смогли с самого начала осознать неразрешимость проблемы, которую ставит перед социализмом субъективный, рассеянный и невыраженный в словах характер информации, но нельзя простить им ту вопиющую ошибку, которую представляет собой идея о том, что рациональный расчет возможен без использования какой-либо денежной единицы в качестве общего знаменателя.

Кроме того, проблема, которую ставит расчет в натуральной форме, влияет не только на производственные решения, но и на решения о распределении потребительских товаров. Ведь есть много таких потребительских благ и услуг, которые нельзя поровну разделить между абсолютно всеми гражданами, и поэтому абсурдно рассматривать систему их распределения, не включающую денежных единиц⁵³. В завершение мы про-

---

предпринимательству мешают институциональные преграды, и, следовательно, не порождается информация, необходимая для того, чтобы принять правильные решения относительно этих ресурсов. Подробнее об этом см. мою статью: "Derechos de Propiedad y Gestión Privada de los Recursos de la Naturaleza" in *Cuadernos del Pensamiento Liberal*.

⁵³ Даже теоретик социализма Карл Каутский высмеивал идеи Нейрата о расчетах в натуре, сделав вывод, что «бухгалтерский учет *in natura* быстро приведет к полному и окончательному хаосу». Цитата приводится по: Т. J. В. Хофф, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 79. Хофф подробно показывает, что ни одно из тех предложений натурального распределения потребительских благ и услуг, которые выдвигались разными социалистическими

цитируем ироническое замечание Мизеса о Ландауэре, социалистическом теоретике, который считал натуральный расчет возможным: «Ландауэр не понимает, что (и почему) невозможно складывать или вычитать числа с разным измерением. Тут уж ничем не поможешь»⁵⁴.

Несмотря на сказанное выше, мы не должны поддаваться ложному впечатлению, что главная причина, по которой натуральный экономический расчет невозможен, состоит в том, что разнородные единицы нельзя складывать, вычитать и т.п. Основную причину, по которой экономический расчет в отсутствие рыночных цен и денег невозможен, мы подробно описали в главе 3; дело в субъективном, рассеянном и невербализуемом характере практического человеческого знания. Дело не в том, что даже если бы человеческое знание не обладало этими особенностями, экономические расчеты в натуре все равно были бы невозможны, потому что мы не можем производить математических операций с разнородными величинами: наоборот, суть в том, что даже если бы гипотетический субъект имел возможность производить такие расчеты в натуре, для него все равно было бы логически невозможно получить всю необходимую информацию. Таким образом, главный довод относится к информации, а довод, что расчет в натуральной форме невозможен, является очень наглядным, но вспомогательным.

Экономический расчет в рабочем времени

Объективная теория трудовой ценности Маркса является причиной, по которой разным социалистическим теоретикам казалось естественным попробовать решить интересующую нас проблему с помощью расчетов в рабочем времени. Хотя это «решение» и ведет нас непосредственно к обсуждению объективной теории ценности относительно субъектив-

---

теоретиками (8 таких предложений, объединенных в две равные группы, действительно рассматривались), не осуществимо на практике. См. с. 54—70 указанной работы. Русский экономист Борис Бруцкус тоже считал абсурдными предложения Бухарина и Чайанова производить экономические расчеты в натуральном выражении (см.: *Economic Planning in Soviet Russia*, 17.)

⁵⁴ Ludwig von Mises, *Socialism*, note on p. 119 [Мизес. Социализм. С. 93 сн.].

ной, в начале анализ возможности экономического расчета в рабочих часах не зависит от конкретной позиции по вопросу о том, какая теория ценности (объективная или субъективная) верна.

В общем, эти теоретики предлагали правительству учитывать рабочее время каждого гражданина и выдавать каждому работнику определенное количество чеков, которые соответствовали бы числу отработанных им часов и давали бы ему право на определенное количество произведенных потребительских благ и услуг. Распределение социального продукта происходило бы путем создания статистического регистра рабочих часов, необходимых для производства каждого из товаров или услуг, и предоставления благ и услуг тем работникам, которые готовы обменять на них соответствующие чеки. Таким образом, каждый рабочий час дал бы работнику право получить блага и услуги, которые стоят часа работы.

Очевидно, что такие чеки не являются деньгами и у товаров и услуг не было бы рыночных цен, или условий торговли, добровольно установленных покупателями и продавцами, поскольку пропорция обмена благ и услуг на чеки устанавливалась бы предварительно, в рабочих часах, необходимых для производства каждого блага⁵⁵.

---

⁵⁵ Описанный выше порядок экономического расчета в рабочем времени был приведен Карлом Марксом: «Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» (Karl Marx, *Critique of the Gotha Programme*, vol. 3 of *Marx-Engels Selected Works* [Moscow: Progress Publishers, 1970] [Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 18]). Наиболее убедительно доказывал возможность экономического расчета в рабочем времени Отто Лейхтер, см.: Otto Leichter, *Die Sprengung des Kapitalismus: Die Wirtschaftsrechnung in der Sozialistischen Gesellschaft* (Vienna: Verlag der Wiener Vollsbuchhandlung, 1923). Любопытно, что в этой книге Лейхтер резко критикует предложения производить расчет в натуральном выражении. Позднее его идеи развил и усовершенствовал Вальтер Шифф: Walter Schiff, *Die Planwirtschaft und ihre ökonomische Hauptprobleme* (Berlin, 1932). Мизес подверг критике предло-

По мнению Мизеса, при экономических расчетах в рабочем времени возникают две неразрешимые проблемы. Во-первых, даже в рамках объективной теории ценности (стоимости) этот критерий невозможно применять к производственным процессам, в которых используются невозобновляемые *природные ресурсы*. Действительно, совершенно очевидно, что ни один природный ресурс (например уголь) невозможно обозначить конкретным количеством рабочего времени, так как он не просто позволяет достичь определенных целей и является редким ресурсом — его в принципе невозможно изготовить с помощью человеческого труда. Иными словами, поскольку для производства такого ресурса не используется труд, учет рабочих часов не дает возможность осуществить экономический расчет, который абсолютно необходим, чтобы принимать разумные, а не произвольные решения относительно этого ресурса.

Во-вторых, час труда не представляет собой чего-то однородного и единообразного. В действительности не бывает просто «труда», а есть бесчисленные разные виды или категории труда, которые в отсутствие рыночных денежных цен, приводящих их в каждом отдельном случае к общему знаменателю, нельзя складывать или вычитать в силу их принципиальной разнородности. Дело не просто в том, что производительность разных работников резко различается, и не в том, что даже производительность одного и того же работника меняется в зависимости от обстоятельств. Главное в том, что виды услуг, предоставляемых трудом, бесконечно разнообразны, и, кроме того, постоянно меняются; как следствие, они абсолютно разнородны и порождают ту же самую проблему, которую мы уже обсуждали в предыду-

---

женное Лейхтером решение в статье: Mises, “Neue Beiträge zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* no. 51 (1924): 488–500. Виллем Кейзер написал по-английски статью, посвященную, в частности, этому тексту Мизеса, см.: William Keizer, “Two Forgotten Articles by Ludwig von Mises on the Rationality of Socialist Economic Calculation,” *The Review of Austrian Economics* (Massachusetts: Lexington Books, 1987), 1: 109–122. Вторая статья Мизеса, которую обсуждает Кейзер, это “Neue Schriften zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung”, опубликованная в том же журнале (vol. 60 [1928]: 187–190); в ней Мизес рассматривает работы Джейкоба Маршака, Отто Нейрата и Бориса Бруцкуса.

щем разделе применительно к натуральному экономическому расчету. Она состоит в том, что невозможно произвести расчет, используя неоднородные величины.

Традиционная марксистская доктрина предложила в качестве решения этой проблемы попытку свести разные виды труда к так называемому «простому общественно необходимому труду». Однако, редукция часов, потраченных на труд разных видов, к часам простейшего труда возможна только тогда, когда существует рыночный процесс, в ходе которого оба вида труда обмениваются по цене, устанавливаемой различными экономическими субъектами. Без этого рыночного процесса любое сравнительное суждение о разных видах труда неизбежно произвольно и будет подразумевать исчезновение рационального экономического расчета. Вне результатов рыночного процесса свести различные виды труда к общему знаменателю невозможно. Кроме того, проблема сведения разнородных рабочих часов к общей единице представляет собой просто частный случай уже обсуждавшейся нами более общей проблемы, которую ставит перед нами натуральный экономический расчет — проблемы невозможности свести к общей единице разнородные факторы производства.

Наконец, повторим еще раз то, о чем мы уже говорили: даже если существовало бы решение этих двух конкретных проблем (экономического расчета в случае невозможности измерения природных ресурсов и невозможности найти общую единицу измерения рабочих часов), то главная проблема все равно осталась бы. Плановый орган в принципе неспособен получить всю необходимую ему информацию, поскольку она рассеяна в умах миллионов экономических субъектов, из которых состоит общество.

Экономический расчет в единицах полезности

Некоторые социалисты, благодаря возражениям Мизеса осознавшие невозможность расчета в рабочем времени, полагают, что проблему может решить расчет в «*единицах полезности*»⁵⁶. Однако это предложение еще более абсурдно, чем

⁵⁶ Станислав Струмилин (1877—1974) в статьях, опубликованных в «Экономической жизни», №№ 237, 284, и 290 (23 октяб-

предложение расчета в рабочих часах. Полезность — это строго субъективное понятие, вытекающее из восприятия индивидом каждой единицы доступных ему средств в контексте каждого конкретного действия, в котором он участвует. Полезность нельзя измерить; можно только *сравнивать* полезность, связанную с разными вариантами действий, в момент принятия решения. Мы также не можем наблюдать полезность для разных индивидов, потому что это предполагало бы в нас способность поселяться в сознании других людей и примерять на себя их личность, их опыт и оценки. Таким образом, никакой центральный орган принуждения не в состоянии наблюдать, ощущать или измерять полезность.

Кроме того, сам действующий человек в момент принятия решения тоже не «измеряет» полезность — он просто сравнивает между собой полезности, которые, как он считает, получает от каждого из возможных вариантов действий. Более того, рыночные цены не выражают эквивалентности и не измеряют полезность⁵⁷; они представляют собой просто исторические условия торговли, демонстрирующие исключительно то,

---

ря, 17 декабря и 24 декабря 1920 г.), писал, что он не считает возможным экономический расчет в рабочем времени, если не дополнить его использованием единиц полезности. Подробное описание этой системы экономического расчета, от которой Ленин отказался, вернувшись к рынку и деньгам в период НЭПа, содержится в статье Михеля Кэзера о Струмилине: M. C. Kaser in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 4, 534. В упомянутой нами работе Борис Бруцкус разгромил возможность экономического расчета в единицах полезности. В свою очередь, Карл Каутский яростно отстаивал мысль о том, что экономический расчет в рабочем времени возможен только в том случае, если взять в качестве исходного пункта исторические цены рынка, сложившиеся в период до установления социалистической экономики (вероятно, как косвенный способ зафиксировать отношения полезности). См.: Karl Kautsky, *Die Proletarische Revolution und ihr Programm* (Berlin: Dietz Nachfolger, 1922). Мизес в упомянутой нами в предыдущей сноске статье 1924 г., опубликованной в *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, резко отменил предложение Каутского.

⁵⁷ *Todo necio / confunde valor y precio*. [«Все глупцы / путают ценность с ценой».] (Antonio Machado, “Proverbios y Cantares” 68, in *Poesías Completas, Poesías Completas*, Edición crítica Oreste Macrí [Madrid: Espasa Calpe], 1: 640, 820).

что участники обменов производили субъективные и различающиеся оценки, и эти различия в оценках обеспечивали возможность обменов.

Приходится сделать вывод, что попытка использовать полезность в качестве единицы экономического расчета порождает неразрешимую проблему не только потому, что полезность ненаблюдаема, но и потому, что не существует такой единицы интересубъектной полезности, или общего знаменателя разных субъективных полезностей, которую можно было бы использовать в качестве единицы измерения в экономических расчетах. Понятие полезности является до такой степени субъективным и ускользающим, что тезис о невозможности экономического расчета, основанного на единицах полезности, возвращает нас непосредственно к нашему главному аргументу: к тому, что центральный орган принуждения не в состоянии получить необходимую ему практическую информацию, рассеянную в умах всех экономических субъектов, которая в каждый отдельно взятый момент существует в виде бесконечного, непрерывно меняющегося ряда личных оценок и суждений о полезности конкретных целей и средств⁵⁸.

---

⁵⁸ Гюнтер Халоупек (Günther K. Chaloupek "The Austrian Debate on Economic Calculation in a Socialist Economy," *History of Political Economy* 22, no. 4 (winter 1990): 659–675) опубликовал блестящее исследование о различных попытках писавших по-немецки авторов (большинство из них мы упоминали в предыдущих сносках) возразить Мизесу; см. в особенности библиографию. «Немецкий» спор об экономическом расчете, менее известный, чем последовавшая за ним дискуссия в англоговорящем мире, завершили работы авторов, солидаризировавшихся с Мизесом, о которых Халоупек не упоминает. См. в особенности: Max Weber, "Wirtschaft und Gesellschaft," in *Grundriss der Sozialökonomie* (Tubingen, 1922), 3: 45–59 [см.: Вебер М. Хозяйство и общество М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008 (готовится к печати)]; Adolf Weber, *Allgemeine Volkswirtschaftslehre*, 4th ed. (Munich and Leipzig, 1932), 2: 369; C. A. Verrijn Stuart, "Winstbejag versus behoeftenberediging," *Overdruk Economist* 76, no. 1, pp. 18 ff.; Pohle-Halm, *Kapitalismus und Sozialismus*, 4th ed. (Berlin, 1931), 237 ff.